

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Двенадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
19–21 ноября 2015 г.



Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

УДК 81
ББК 81.2
Д23

Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН

Д23 Двенадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2015 г.) / Отв. ред. Д. Ф. Мищенко. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 132 с.
ISBN 978-5-4469-0750-2

УДК 81
ББК 81.2

Редакционная коллегия:

Д. Ф. Мищенко (отв. редактор), А. П. Выдрин, Д. В. Герасимов, Н. М. Заика,
И. А. Кагиров, С. Б. Клименко, О. В. Кузнецова, А. Ф. Милюхина,
С. А. Оскольская, С. С. Сай, М. Л. Федотов, М. А. Холодилова

ISBN 978-5-4469-0750-2



© Коллектив авторов, 2015
© Институт лингвистических исследований РАН, 2015
© Издательство «Нестор-История», 2015

I. Доклады

П. М. Аркадьев

ИСл РАН — РГГУ — МГГУ, Москва

**ОБЪЕКТНЫЙ ГЕНИТИВ ОТРИЦАНИЯ
В АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ¹**

Изменение падежа прямого объекта переходного глагола при отрицании — нетривиальная черта ряда языков Восточной Европы — славянских, балтийских и прибалтийско-финских, ср. следующие примеры:

ПОЛЬСКИЙ [Przepiórkowski 2000: 120]: аккузатив vs. генитив

- (1) a. *Lubi-ę* *Mari-ę*.
любить-PRS.1SG Мария-ACC.SG
‘Мне нравится Мария’.
- b. *Nie lubi-ę* *Mari-i*.
NEG любить-PRS.1SG Мария-GEN.SG
‘Мне не нравится Мария’.

ЛИТОВСКИЙ: аккузатив vs. генитив

- (2) a. *Jon-as* *per-skait-ė* *laišk-q*.
Йонас-NOM.SG PRV-читать-PST(3) письмо-ACC.SG
‘Йонас прочел письмо’.
- b. *Jon-as* *ne-per-skait-ė* *laišk-o*.
Йонас-NOM.SG NEG-PRV-читать-PST(3) письмо-GEN.SG
‘Йонас не прочел письмо’.

ФИНСКИЙ [Brattico 2012a: 39]: генитив vs. партитив

- (3) a. *Pekka* *söi* *leivä-n*.
Пекка(NOM.SG) есть:PST.3 хлеб-GEN.SG
‘Пекка съел хлеб’.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 14-18-03270.

- b. *Pekka e-i syö-nyt leipä-ä.*
 Пекка(NOM.SG) NEG-3SG есть-PST.PA хлеб-PTV.SG
 ‘Пекка не съел хлеб’.

Во всех указанных группах языков правило «генитива отрицания» действует не только локально, как в примерах (1)–(3), но и дистантно, применяясь к прямому объекту нефинитной формы при отрицаемом матричном глаголе, ср. примеры (4)–(6):

- ПОЛЬСКИЙ [Przepiórkowski 2000: 123]
 (4) *Nie chcia-ł-em pisa-ć list-ów.*
 NEG хотеть-PST(SG.M)-1SG писать-INF письмо-GEN.PL
 ‘Я не хотел писать письма’.

- ЛИТОВСКИЙ
 (5) *Jon-as ne-nor-i rašy-ti*
 Йонас-NOM.SG NEG-хотеть-PRS(3) писать-INF
laišk-o.
 письмо-GEN.SG
 ‘Йонас не хочет писать письмо’.

- ФИНСКИЙ [Brattico 2012b: 253]
 (6) *Minä e-n halun-nut näh-dä häntä.*
 я:NOM NEG-1SG хотеть-PST.PA видеть-INF 3:PTV.SG
 ‘Я не хотел видеть ее’.

Славянские, балтийские и прибалтийско-финские языки демонстрируют значительную вариативность в допустимости и распространённости локальной и дистантной версий правила генитива отрицания. Если в прибалтийско-финских языках, литовском, польском и словенском [Ис 2011] локальный генитив / партитив отрицания обязателен, а дистантный либо обязателен (финский, эстонский), либо предпочтителен (литовский, польский), то в русском языке выбор падежа при локальном отрицании обусловлен целым комплексом семантических, лексических и стилистических факторов [Рахилина (ред.) 2008]. Аналогична русскому, по-видимому, ситуация в белорусском языке, ср. [Mazzitelli 2010], и отчасти в латгальском [Nau 2014: 218–225]. В латышском [Holvoet, Nau 2014: 7–9], чешском, словацком и сербохорватском языках

[Willis 2013: 361–364] генитив отрицания отсутствует, а в лужицких языках маргинален [ibid.: 362]. В рамках славянской группы генитив отрицания, как локальный, так и дистантный, является несомненным архаизмом, о чем свидетельствуют данные старославянского, древнерусского и древнечешского языков [Willis 2013: 350, 353–354, 361]. Контактное влияние германских языков на устранение генитива отрицания можно достоверно предполагать лишь для лужицких языков [Scholze 2007: 66; Willis 2013: 363] и, возможно, для латышского.

Сопоставление функционирования локального и дистантного вариантов правила генитива отрицания в рассматриваемых языках позволяет сформулировать две имплицативные закономерности:

- (7) Если в языке есть хотя бы редкие случаи изменения падежного маркирования объекта нефинитного предиката под воздействием матричного отрицания, то в нем есть и не менее продуктивны аналогичные случаи для локального отрицания.
- (8) Если в языке есть обязательное правило изменения падежного маркирования объекта под воздействием локального отрицания, то в нем есть (возможно, факультативное) правило аналогичного изменения и для по крайней мере некоторых контекстов дистантного отрицания.

Если импликация (7) сравнительно тривиальна (от большей синтаксической области к меньшей), то импликация (8) с «расширением сферы действия» нуждается как в объяснении, так и в проверке на других морфосинтаксических явлениях, чувствительных к отрицанию.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; GEN — генитив; INF — инфинитив; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PA — активное причастие; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PRV — преверб; PST — прошедшее время; PTV — партитив; SG — единственное число.

Литература

- Рахилина (ред.) 2008 — Е. В. Рахилина (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке [Исследования по теории грамматики. Вып. 5]. М.: Пробел-2000, 2008.
- Brattico 2012a — P. Brattico. Structural case assignment and Phi-agreement in Finnish // *SKY Journal of Linguistics* 25, 2012. P. 29–59.
- Brattico 2012b — P. Brattico. Long-distance case assignment in Finnish // *Studia Linguistica* 66, 3, 2012. P. 245–285.
- Holvoet, Nau 2014 — A. Holvoet, N. Nau. Argument marking and grammatical relations in Baltic. An overview // A. Holvoet, N. Nau (eds.). *Grammatical Relations and Their Non-Canonical Encoding in Baltic*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 1–41.
- Ilc 2011 — G. Ilc. Optionality of the Genitive (of Negation) in Slovene // P. Kosta, L. Schurcks (eds.). *Formalization of Grammar in Slavic Languages. Contributions of the Eighth International Conference on Formal Description of Slavic Languages — FDSL VIII 2009 University of Potsdam, December 2–5, 2009*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. P. 193–206.
- Mazzitelli 2010 — L. F. Mazzitelli. Il fenomeno dell'alternanza genitivo-accusativo per l'espressione dell'oggetto diretto in presenza di negazione in bielorusso // R. Benacchio, L. Ruvoletto (eds.). *Lingue slave in evoluzione: studi di grammatica e semantica*. Padova: Unipress, 2010. P. 139–148.
- Nau 2014 — N. Nau. Differential object marking in Latgalian // A. Holvoet, N. Nau (eds.). *Grammatical Relations and Their Non-Canonical Encoding in Baltic*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 207–255.
- Przepiórkowski 2000 — A. Przepiórkowski. Long-distance genitive of negation in Polish // *Journal of Slavic Linguistics* 8, 2000. P. 119–158.
- Scholze 2007 — L. Scholze. *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache unter besonderer Berücksichtigung des Sprachkontakts*. PhD Dissertation, Universität Konstanz, 2007.
- Willis 2013 — D. Willis. Negation in the history of the Slavonic languages // D. Willis, Chr. Lucas & A. Breitbarth (eds.). *The History of Negation in the Languages of Europe and the Mediterranean*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 341–398.

А. А. Бобренкова
НИУ ВШЭ, Москва

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ ИМЕННЫХ ПРЕДИКАТОВ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В данном исследовании были рассмотрены способы оформления конструкций именной предикации, а также факторы, определяющие выбор той или иной стратегии маркирования.

Опорной для данной работы стала статья [van der Auwera, Malchukov 2005], где выделяются основные типы именных предикатов, а также приводится семантическая карта для них.

2. Краткая характеристика изучаемых конструкций

Под предикативными конструкциями будут иметься в виду простые предикаты (PRED), комплементативы (COMPL), депиктивы (DEP) и адвербиалы (ADV). Также будут рассмотрены атрибутивные конструкции, которые подразделяются на рестриктивы (RESTR) и аппозитивы (APP)

- Свойства **рестриктивов**: рестриктив используется для идентификации и выделения референта (пример: *Зрелые яблоки уже попадали с дерева.*)
- Свойства **аппозитивов**: аппозитив задает дополнительную характеристику референта (пример: *Скромная Машенька потупила глаза в землю и сделалась немою.* [А. Е. Измайлов. Бедная Маша (1801)])
- Свойства **комплементативов**: синтаксически они являются первичными предикатами, а семантически — вторичными; как правило, комплементативная конструкция возникает внутри предложений, в которых говорящий делает

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884.

предположение — это предположение и модифицирует комплиментатив (пример: *Но я считал ее ленивой и опустившейся.* [Д. С. Мережковский. Семейная идиллия (1890.11.20)]).

- Свойства **депиктивов**: ситуация, выраженная вторичным предикатом, имеет место во время ситуации, выраженной первичным предикатом; вторичный предикат при этом контролируется первичным предикатом, но не является его аргументом (пример: *Я покинул тебя — и вернулся больной.* [С. Я. Надсон. В тихой пристани (1878)])
- Свойства **адвербиалов**: имеется модифицирующее выражение, которое относится к глаголу; в роли модификатора выступает адвербиальное выражение, ядром которого является наречие (*Он самонадеянно полез в море.*).

3. Способы оформления конструкций именной предикации

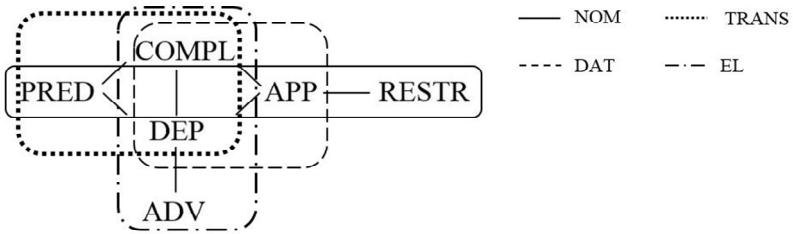
При выражении описанных выше конструкций в конкуренцию вступают четыре падежа: номинатив, датив, транслатив и элатив. Согласно [Коляденков, Заводова (ред.) 1962], эти падежи обладают следующими базовыми значениями:

- **транслатив** обладает способностью выражать сходство объекта X с Y (показатель транслатива присоединяет к себе Y), переход из одного состояния в другое, предназначение объекта;
- основным свойством **элатива** является указание на объект, внутри которого направлено действие другого объекта, кроме того, элатив может выражать способ, признак и время действия;
- **датив** способен выражать ситуации перемещения одного объекта внутрь другого или стремления к какому-нибудь объекту.

4. Семантическая карта для именных предикатов в мокшанском языке

Как видно из Схемы 1, для номинатива на карте образуется разрыв.

Схема 1. Семантическая карта для именных предикатов
в мокшанском языке



Данная карта не отражает всех тонкостей выбора стратегии маркирования конструкцией, но в некоторых случаях более или менее прототипических вариантов предиката (как в примерах (1) и (2)) она предсказывает все грамматически корректные варианты оформления.

- (1) *vas'ε ul'-s'* ^{OK}*jožu* / **jožuv-ən'd'i* /
Вася быть-PST.3SG умный.NOM умный-DAT
^{OK}*jožu-ks* / **jožu-stə*
умный-TRANS умный-EL
'Вася был умным'.

- (2) *vas'ε luv-ənd-əz'ə-∅*
Вася считать-IPFV-PST.3SG.S-3SG.O
es' pr'a-nc
свой голова-3SG.POSS.SG.GEN
^{OK}*jožu* / ^{OK}*jožuv-ən'd'i* / ^{OK}*jožu-ks* / ^{OK}*jožu-stə*
умный.NOM умный-DAT умный-TRANS умный-EL
'Вася считал себя умным'.

5. Факторы, определяющие стратегию маркирования

Как уже было отмечено выше, семантическая карта является некоторым огрублением, то есть не все падежи, покрывающие ту или иную зону, в равной степени допустимы с предикатами. Одним из ключевых факторов, определяющим способ маркирования,

является часть речи предиката (а именно, существительное или прилагательное). В случае, если предикат выражен прилагательным, оказываются релевантными его морфологические свойства. К примеру, стратегии маркирования качественных и относительных прилагательных будут отличаться (сравним примеры (3) и (4)).

(3) *kuc' ara-s' *mazi / mazij-ən'd'i /*
 дом.DEF.SG статья-PST.3SG красивый.NOM красивый-DAT
mazi-ks / mazi-stə
 красивый-TRANS красивый-EL
 'Дом стал красивым'.

(4) *kuc' ara-s' šuftən' / šuftən'n'ə-n'd'i*
 дом.DEF.SG статья-PST.3SG деревянный деревянный-DAT
*šuftənn'ə-ks / *šuftən'n'ə-stə*
 деревянный-TRANS деревянный-EL
 'Дом стал деревянным'.

Особенно любопытно то, что слово 'деревянный', по сути, является существительным, где суффикс *-n'* — показатель генитива. Подобных интересных случаев маркирования, связанных с разными морфологическими классами прилагательных, немало. В частности, стоит выделить группу прилагательных с каритивным суффиксом *-ftəmə*, а также особый класс отглагольных дериватов на *-də*.

Важными оказываются не только морфологические факторы. Стоит отметить также роль синтаксической позиции контролера, а также некоторые особые частные случаи, вроде комплементаривных конструкций с местоимением 'себя' ('Он считал себя умным').

Список условных сокращений

DAT — датив; DEF — определенность; EL — элатив; GEN — генитив; IPFV — имперфектив; NOM — номинатив; O — объект; POSS — посессивный показатель; PST — прошедшее время; S — субъект; SG — единственное число; TRANS — транслатив.

Литература

- Коляденков, Заводова (ред.) 1962 — М. Н. Коляденков, Р. А. Заводова (ред.).
Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. I.
Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962.
- van der Auwera, Malchukov 2005 — J. van der Auwera, A. Malchukov. A semantic map for depictive adjectivals // N. P. Himmelmann, E. F. Schultze-Berndt (eds.). *Secondary Predication and Adverbial Modification. The Typology of Depictives*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 393–421.

Д. В. Герасимов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
СФЕРЫ ПОБУЖДЕНИЯ
ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ОТРИЦАНИЕМ
В ПАРАГВАЙСКОМ ГУАРАНИ¹**

Настоящее исследование посвящено прототипическим средствам выражения побуждения в парагвайском гуарани и их взаимодействию с отрицанием. Устройство соответствующей зоны в гуарани обнаруживает ряд типологически нетривиальных черт.

Специализированный императив 2SG образуется от активных глаголов при помощи префикса *e-*, замещающего лично-числовой маркер. Во мн. ч. форма императива на *re-* внешне совпадает с формой небудущего 2PL и обнаруживает с ней ряд общих свойств, что позволяет в данном случае говорить скорее об использовании формы индикатива в функции императива, чем о грамматической омонимии.

Префикс *t(a)-* служит для образования форм со значением императива или оптата от всех трех лиц. Ср. пример (1), где *ta-*императив 2 л. образует подобие сериальной конструкции с «классическим» императивом на *e-*, и (2), где представлен *ta-*императив 3 л.:

- (1) *Te-re-ho e-ru ché-ve tata 'y,*
OPT-2SG.A-идти IMP-нести 1SG-OBL огонь
t-a-hecha máva-pa ko a-juká-ta-va.
OPT-1SG.A-идти кто-Q DEM 1SG.A-убивать-PROSP-REL
'Пойди принеси мне огня, чтобы я увидел, кого мне предстоит убить'.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03406 «Грамматические категории в языках мира: иерархии и взаимодействие (типологический анализ)»).

- (2) *...ha pe mitã-'i o-u-ramó-va*
 и DEM ребенок-DIM 3А-приходить-IMMPAST-REL
t-o-ñe-mbo-ja ché-ve ko'á-pe.
 OPT-3А-REFL-CAUS-приближаться 1SG-OBL DEM-LOC
 ‘...а тот мальчишка, который только что прибыл, пусть
 подойдет ко мне’.

Формы на *t(a)*- способны также оформлять целевые придаточные (ср. вторую клаузу примера (1)). Такие употребления сложно отделить от собственно оптативных, однако в [Rose 2015] выдвигается гипотеза, согласно которой целевая и императивно-оптативная конструкции развились в языках тупи-гуарани независимо как результат двух различных путей грамматикализации глагола движения.

Таким образом, в парагвайском гуарани реализуется любопытный способ организации лично-числовой парадигмы императива: параллельно со специализированной формой 2SG, существует также показатель, регулярно образующий формы с императивным значением от любых лично-числовых комбинаций. Насколько можно судить по [Головко 1992], сходным образом дело обстоит в алеутском языке. Других примеров подобных систем в [Храковский (ред.) 1992; Гусев 2013] не представлено (но ср. существование в русском языке императивных конструкций с *давай* наряду со специализированными по лицу формами императива).

В отличие от другого основного средства выражения оптативного значения — безличного глагола *hi'ã* ‘казаться, хотеться’ — формы на *t(a)*- не сочетаются с обычным финитным показателем отрицания, но присоединяют суффикс каритива -’*ũ*.

- (3) *Losánto t-o-sê-ve-'ỹ-nte Mbatoví-gui*
 Лосанто OPT-3А-выходить-CMPR-CAR-LIM Мбатови-ABL
 ‘Лосанто пусть больше не покидает пределов Мбатови’.

Это позволяет предположить, что императивно-оптативные *ta*-формы развились из нефинитных конструкций (каритив используется для отрицания некоторых видов зависимых клауз), что, впрочем, само по себе совместимо как с гипотезой об их происхождении от целевых придаточных, так и с гипотезой [Rose 2015].

Что касается формы императива 2SG на *e-*, она не может присоединять ни финитного отрицания, ни каритива. Для выражения запрета используется прохибитивная частица *ani*, предшествующая личной форме глагола:

- (4) *Upévarehe, re-me'ě-ta-rõ* *pe tupã-mba'e*
 поэтому 2SG.A-давать-PROSP-COND DEM бог-вещь
ani re-mbo-pu-ka
 PRON 2SG.A-CAUS-звук-CAUS
ne-renonde-rã...
 2SG.A-передняя.сторона-NPROSP
 'Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою...'
 (Мф. 6: 2)

Асимметричное отрицание императива типологически весьма обычно [van der Auwera, Lejeune 2005; van der Auwera 2006]. Однако в гуарани сфера употребления прохибитива гораздо шире, чем у специализированного императива: частица *ani* сочетается со всеми лично-числовыми формами, может выражать значения превентива и отрицательного оптатива, а также участвовать в выражении значений эпистемической модальности. Ср. (5), где представлена комбинация *ani* с формой 1SG (однако явно прослеживается семантика побуждения, обращенного к адресату). Также *ani* может использоваться для отрицания целевых придаточных (6).

- (5) *Ani-ke a-hendu eré-rõ*
 PRON-EMPH 1SG.A-слышать 2SG.A.говорить-COND
rei-ko asy-ha, re-mba'apo-ha ha mba'e.
 2SG.A-быть трудно-СМPL 2SG.A-работать-СМPL и вещь
 'Чтобы я больше не слышал, как ты говоришь, что тебе трудно, что ты работаешь, и так далее'.
- (6) *...ha t-o-jo-puru o-karu haãua,*
 и OPT-3A-REC-замещать 3A-обедать чтобы
ani ñane-rembi-apo o-so.
 PRON 1PL.INCL-вещь-делать 3A-отвязываться
 {Раздели наших ребят на три группы,} 'и пусть они сме-
 няют друг друга на время еды, чтобы наша работа не оста-
 навливалась'.

Таким образом, отрицание императива в гуарани асимметрично не только в формальном, но и в парадигматическом плане: прохибитив по своей семантике шире императива; он оказывается отрицательным коррелятом скорее не специализированного императива на *e-*, но императива / оптатива на *ta-*, который, впрочем, имеет собственные регулярные отрицательные формы (см. выше). Подобная ситуация, отмечавшаяся также для ряда африканских языков, см. [Carlson 1994] и др., заставляет по-новому взглянуть на статус прохибитива как категории, в общем случае несводимой к простому кумулятивному выражению граммем императива и отрицания. Существующие исследования по типологии прохибитива [Zanuttini 1997; van der Auwera, Lejeune 2005; van der Auwera 2010; Aikhenvald 2010: 165–197; Гусев 2013: 59–60; Alcázar, Saltarelli 2014: 50–61] в значительной мере упускают из вида данный аспект, фокусируясь на проблеме возможности сочетания специализированной императивной формы с финитным отрицанием.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; A — префикс активной серии; ABL — аблатив; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CMPL — комплементаризер; CMPR — сравнительная степень / континуатив; COND — условие; DEM — демонстратив; DIM — диминутив; EMPH — эмфаза; IMPAST — непосредственное прошедшее; IMP — императив; INCL — инклюзив; LIM — лимитатив; LOC — локатив; NPROSP — именной проспектив; OBL — косвенный падеж; OPT — императив / оптатив; PL — множественное число; PRON — прохибитив; PROSP — проспектив; Q — вопрос; REFL — рефлексив; REL — релятивизатор; SG — единственное число.

Литература

- Головко 1992 — Е. В. Головко. Повелительные предложения в алеутском языке // В. С. Храковский (ред.) Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 160–168.
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Храковский (ред.) 1992 — В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.
- Aikhenvald 2010 — A. Yu. Aikhenvald. Imperatives and Commands. NY: OUP, 2010.

- Alcázar, Saltarelli 2014 — A. Alcázar, M. Saltarelli. *The Syntax of Imperatives*. Cambridge: CUP, 2014.
- Carlson 1994 — R. Carlson. *A Grammar of Supyire*. Berlin — NY: Mouton de Gruyter, 1994.
- Rose 2015 — F. Rose. *Reconstructing two functionally related Tupí-Guaraní *ta*-clauses*. Paper presented at the DiaSAL workshop. Lyon, ISH, May 28–30, 2015.
- van der Auwera 2010 — J. van der Auwera. *Prohibition: Constructions and markers* // D. Shu, K. Turner (eds.). *Contrasting Meaning in Languages of the East and West*. Tübingen: Narr, 2010. P. 443–475.
- van der Auwera, Lejeune 2005 — J. van der Auwera, L. Lejeune (with V. Goussev). *The prohibitive* // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: OUP, 2005. P. 290–293. (<http://wals.info/chapter/71>)
- Zanuttini 1997 — R. Zanuttini. *Negation and Clausal Structure: The comparative study of Romance languages*. Oxford: OUP, 1997.

И. М. Горбунова

РГГУ — АБВУУ, Москва

**ЕСТЬ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?
Система модальности
в трех вариантах атаяльского языка**

Система модальности атаяльского языка (один из австронезийских языков о. Тайвань) не так давно привлекла к себе пристальное внимание исследователей (см. [Chen 2015]). Интерес ученых в первую очередь был вызван тем, что в системе модальности атаяльского языка на первый взгляд отсутствует лексическое и грамматическое выражение эпистемической необходимости, что в некоторой степени подрывает сложившуюся в последние годы типологию модальных систем (см. среди прочего [Rullman et al. 2008; Vander Klok 2013]).

В настоящей работе будут рассмотрены модальные системы трех вариантов атаяльского языка (варианты каланов¹ Пьянан (диалектная группа скулек, подгруппа мнибу), Сянух (диалектная группа скулек, подгруппа гоган) и Скикун (диалектная группа цоле, подгруппа скикун)) и на этом материале будут проверены выводы, сделанные в [Chen 2015], о том, что в атаяльском языке отсутствуют лексические и грамматические средства выражения эпистемической необходимости². Мы придерживаемся семантической карты и терминологии, предложенной в [Plungian, van der Auwera 1998].

В варианте калана Пьянан модальность может выражаться при помощи маркеров *kia*, *ana*, *sig**a*. Типичные примеры на эти маркеры даны ниже:

¹ Калан — атаяльская форма общины.

² Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru/>).

- (1) *kia tiux yik sakaw*
 MOD быть.DIST под кровать
 {Кошка прячется где-то в комнате, где много всякой мебели. Говорящий только что вошел в комнату и еще нигде ее не искал.} ‘Она может быть под кроватью’.
- (2) *ana=k m-wah k<m>yup miyaw=su ga*
 MOD=1SG.NOM AF-прийти <AF>войти дом=2SG.GEN Q
 ‘Я могу войти к тебе (= ты мне разрешаешь?)?’
- (3) *sigā m-wah yukan*
 MOD AF-прийти Ю.
 ‘Юкан должен прийти (его тут ждут, будет очень некрасиво, если он не придет)’.

Очевидно, в варианте калана Пьянан наблюдается следующая система модальных маркеров:

Таблица 1

	Возможность	Необходимость
Эпистемическая	<i>kia</i>	?
Ситуативная (деонтическая)	<i>ana</i>	<i>sigā</i>

Аналогичную систему обнаруживает диалект скикун, с той лишь разницей, что эпистемическая возможность выражается здесь вспомогательным глаголом *aki*. В варианте калана Сянух наряду с немаркированной эпистемической необходимостью обнаруживается немаркированная ситуативная необходимость:

- (4) *sayun ga m-usa ŋasan*
 С. TOP AF-идти дом
 ‘Саюн должна идти домой (уже поздно и ее ждут дома родители)’.

Три рассмотренные варианта атаяльского языка действительно демонстрируют отсутствие специализированных маркеров для (эпистемической) необходимости.

Между тем, картина значительно меняется, если рассматривать отрицательные модальные контексты. Так, если выражение

эпистемически необходимой ситуации лексически ничем не отличается от модально нейтрального выражения, то выражение эпистемически невозможной ситуации требует особой конструкции отрицания:

(5) *ini usa skikun yukan*
NEG AF.CNG.идти С. Ю.
'Юкан не пошел в Скикун'.

(6) *ya m-usa skikun yukan*
NEG AF-идти С. Ю.
'Юкан точно не пошел в Скикун (я своими глазами видел, как он шел в другую сторону)'.

Таким образом, можно сделать вывод, что в атаяльском языке все же есть средства выразить эпистемическую необходимость, но они ограничены только отрицательными контекстами. В таком виде атаяльская модальная система выглядит еще более сложной, чем предполагалось до сих пор.

Список условных сокращений

1 / 2 — личная характеристика прономинальной клитики; AF — агентивный фокус; CNG — зависимая форма глагола; DIST — дистантность; GEN — генитив; MOD — модальный маркер; NEG — показатель отрицания; NOM — номинатив; SG — единственное число; TOP — топикализатор.

Литература

- Chen 2015 — S. Chen. Lack of epistemic necessity in Atayal. Paper presented at 13-ICAL, Taipei, 2015.
- Plungian, van der Auwera 1998 — V. Plungian, J. van der Auwera. Modality's semantic map // *Linguistic Typology* 2, 1998. P. 79–124.
- Rullmann et al. 2008 — H. Rullmann, L. Matthewson, H. Davis. Modals as distributive indefinites // *Natural Language Semantics* 16, 2008. P. 317–357.
- Vander Klok 2013 — J. Vander Klok. Pure possibility and pure necessity modals in Paciran Javanese // *Oceanic Linguistics* 52, 2, 2013. P. 341–374.

В. В. Дьячков, Д. Д. Мордашова

МГУ — ИЯз РАН, МГУ, Москва

**КОНКУРЕНЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
ДЕАДЪЕКТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ
В ЯЗЫКАХ ДОГОН:**

семантические основания и диахрония

Объект изучения данной работы — распределение каузативных показателей в языках догон (макросемья нигер-конго, Северо-Западная Африка). Как известно из описаний языков этой семьи (см., в частности, грамматики Дж. Хита, К. Прохорова и Л. Макферсон), любой язык догон имеет не менее трех морфологических средств маркирования каузатива, дистрибуция которых находится в тесной связи с семантикой глагольной основы. Исследование [Plungian 1993] — первая и практически единственная работа, посвященная специфике каузатива в догон — выделяет три вида каузатива:

1) суффикс *-nd-*: присоединяется к глаголам положения в пространстве ('сидеть'), глаголам смены состояния ('наполняться') и глаголам движения с семантическим компонентом 'перемещение из одной точки пространства в другую' ('пересекать', 'приходить');

2) суффикс *-r-*: присоединяется к морфологически непереходным глаголам, которые обозначают действия, направленные агенсом на самого себя ('мыться') или произвольные внутренне индуцированные действия ('повернуться', 'гнуть');

3) суффикс *-tò-*: является суффиксом продуктивного фактитивного каузатива.

Подобная система суффиксов каузатива характерна для всех языков догон в силу малой глубины их родства.

В фокус нашего внимания попадают деадъективные глаголы, которые способны присоединять те же показатели каузатива, что и глагольные основы. При этом данная деривация обладает некоторыми особенностями:

1. Показатель *-r-*, который образует переходные каузативные глаголы, при деадъективной деривации никогда их не образует — все деадъективные глаголы интранзитивны.

2. Показатель *-r-* конкурирует с показателем медиопассива, который также может образовывать деадъективные глаголы. Эта конкуренция проявляется как внутри некоторых языков догон, так и при межъязыковом сравнении — одни и те же основы могут в разных языках присоединять либо суффикс каузатива, либо суффикс медиопассива.

3. Показатели каузатива и медиопассива могут сочетаться внутри одной основы.

4. Основы прилагательного могут присоединять разные показатели деадъективной деривации с сопутствующими семантическими изменениями. Так, в языке томмо-со прилагательное *máá* ‘сухой’ в исконном значении присоединяет медиопассивный суффикс, а в метафорическом (‘courageous’) — комбинированный фактитивный показатель *-ndiyε-*, который состоит из суффиксов каузатива и медиопассива [McPherson 2013].

Конкуренция показателей деадъективной деривации, на наш взгляд, может быть обусловлена двумя причинами. Во-первых, распределение показателей каузатива (а помимо продуктивного суффикса *-r-*, прилагательные присоединяют и непродуктивные суффиксы) может регулироваться некоторыми семантическими свойствами самих прилагательных. Во-вторых, конкуренция с показателем медиопассива может быть обусловлена внутригенетическими причинами (медиопассив зафиксирован не во всех языках семьи).

В данной работе мы хотим проверить обе гипотезы и выявить движущие силы дистрибуции деадъективных показателей на основании статистического анализа большого объема (более 100) адъективных корней, которые могут присоединять тот или иной показатель деривации. Исследование проводится на всем пространстве языков семьи, поскольку выявить какие-либо закономерности распределения показателей на материале одного языка не удается. При этом межъязыковое типологическое сравнение, как представляется, наглядно выявляет закономерности распределения

показателей, позволяя зафиксировать вариативность и, соответственно, скорректировать наше представление о влиянии семантических факторов, с одной стороны, и выявить наиболее устойчивые элементы системы — с другой. Теория причин морфологической дистрибуции, таким образом, будет выведена из комплексного анализа явления в рамках целой семьи.

Литература

- McPherson 2013 — L. McPherson. *A Grammar of Tommo So*. Berlin — Boston: Walter de Gruyter, 2013.
- Plungian 1993 — V. A. Plungian. Three causatives in Dogon and the overlapping of causative and passive markers // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1993. P. 391–396.

И. В. Егоров

МГУ, Москва

О МОДАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ *-А* И *-КА* В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В «Грамматике мордовских языков» [ГМЯ 1962: 279] упоминается частица *-а*, которая «легко присоединяется к формам повелительного наклонения» и придает им «ласкательно-смягчительный оттенок». В других источниках (напр., [Майтинская 1979: 15]) говорится о частице *-ка*, заимствованной из русского языка, причем «формант *-k* императива и *-k* от частицы *-ка* слились». В ходе нашей полевой работы в мокшанских селах Лесное Цибаево (Келгуж) и Лесное Ардашево (Ордаж) Темниковского р-на респ. Мордовия обнаружилось, что упомянутые частицы обладают некоторыми нетривиальными морфосинтаксическими свойствами, о которых и пойдет речь в данном докладе.

1. Распределение *-а* и *-ка*

По нашим наблюдениям, в сочетании с мокшанскими императивными формами могут выступать обе частицы. При этом можно заметить следующую систему:

- после формы, оканчивающейся на гласный, присоединяется *-ка*:

(1) а. *mora-də* → *mora-də-ka*
петь-IMP.PL
‘пойте’ ‘пойте-ка’

- после формы на согласный присоединяется *-а* (*-ε* после мягкого):

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ 15-04-18038 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков» и грантом РФФИ 13-06-00884 А «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках».

(2) a. *mora-k* → *mora-k-a*
 петь-IMP.SG
 ‘пой’ ‘пой-ка’

(3) a. *mora-∅-s't'* (t'ε *morə-t'*)
 петь-3.O-IMP.PL.S/O[PL.S] этот песня-DEF.SG.GEN
 ‘спой (эту песню)’
 → *mora-∅-s't'-ε* (t'ε *morə-t'*)
 ‘спой-ка (эту песню)’

- если после присоединения *-a* форма не стала заканчиваться на *-ka*, можно добавить еще *-ka*:

(1) b. *mora-də* → *mora-də-ka* → **moradə-ka-ka*

(2) b. *mora-k* → *mora-k-a* → **mora-k-a-ka*

(3) b. *mora-s't'* → *mora-s't'-ε* → *mora-s't'-a-ka*²

По утверждению носителей, смысловой разницы между императивами с одной и с двумя частицами нет.

Гипотеза: из русского языка в мокшанский была заимствована частица *-ka* — маркер некатегорического императива. Затем на стыках императивных морфем на *-k* (IMP.SG, ряд субъектно-объектных форм) и этой частицы произошло фонетическое опрощение *-kk-* → *-k-*, что способствовало появлению показателя *-a* с тем же значением, что и у *-ka*. Впоследствии *-a* стало алломорфом *-ka* после согласных. Добавление *-ka* после *-a* — плеоназм, происходящий в результате осмысления *-a* как самостоятельного показателя.

2. Сочетаемость и морфологизация

Как выяснилось, частица *-ka* может присоединяться не только ко всем императивным формам, но и к формам третьего (реже и первого) лица опатива, а также к первому лицу настоящего-будущего времени изъявительного наклонения. Последний случай

² А регулярно восстанавливается из *ε* перед твердым.

наиболее интересен: здесь может происходить дублирование лично-числового показателя глагольной словоформы (5b) либо его полная экстернализация (5c):

- (4) *mor-an*
петь-NPST.1SG
'(я) пою'
- (5) a. *mor-an-ka*
b. *mor-an-k-an*
c. *mora-k-an* } 'спую-ка (я)'

Варианты в (5), по-видимому, равнозначные, хотя не все носители допускают все три для любого глагола. Сочетание имеет гортативное значение, как и аналогичная русская конструкция с *-ка*.

Гипотеза: в мокшанский язык, не имеющий специализированного средства для выражения гортативного значения, была заимствована русская конструкция «PRS.1 + *-ka*». В дальнейшем началась грамматикализация клитики *-ka* в аффикс-показатель гортатива, о чем свидетельствуют наблюдаемая синхронная вариативность (о типологии подобных морфосинтаксических изменений см. [Haspelmath 1993]). Поскольку на современном этапе в языке наблюдается и старая (*-Infl-ka*), и новая (*-ka-Infl*), и промежуточная (*-Infl-ka-Infl*) формы, можно предположить относительно недавнее начало данного процесса.

3. Заключение

Таким образом, частица *-ka*, попав в мокшанский язык из русского, развивалась далее особым путем и приобрела новые свойства, которыми не обладала в языке-источнике.

Кроме отмеченных морфосинтаксических свойств, частица *-ka* в мокшанском языке обнаруживает нетривиальную семантику, особенно в сочетании с оптативом. Это явление, требующее отдельного исследования, также будет кратко охарактеризовано в докладе.

Список условных сокращений

DEF — определенность; GEN — генитив; IMP — императив; NPST — непрошедшее время; O — объект; PL — множественное число; PRS — настоящее время; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

- ГМЯ 1962 — М. Н. Коляденков, Р. А. Заводова (ред.). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. I. Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962.
- Майтинская 1979 — К. Е. Майтинская. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. The diachronic externalization of inflection // *Linguistics* 31, 1993. P. 279–310.

В. Р. Жигульская

Будапештский университет, Будапешт

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНЫХ ЛОКАТИВОВ

Настоящая работа посвящена исследованию личных локативов в типологической перспективе. Личными локативами называются грамматические формы, используемые для выражения личного пространства (место, ассоциируемое с человеком; в том числе его обычное место проживания, рабочее место и т. п.). В пространственных отношениях такого рода в качестве ориентира выступает существительное (или местоимение), обозначающее лицо, а локализация интерпретируется как чей-то дом, место работы и т. п.: англ. *at my sister's* 'у моей сестры', франц. *chez mes parents* 'у моих родителей'.

Этот вид локализации обсуждался в относительно небольшом количестве работ (например, [Daniel 2003; Luraghi 2011; Creissels, Moupole 2011]); насколько нам известно, в типологической перспективе данная проблема была впервые поставлена около пятнадцати лет назад. Личные локативы никогда не были предметом широкого и систематического кросс-лингвистического исследования, включающего большое количество языков.

Целью работы представляется обзор личных локативов в типологической перспективе на основе набора заданных параметров, состоящих в следующих вопросах: **А.** каковы основные морфосинтаксические способы выражения личных локативов? **Б.** как выражаются эссивное, лативное и элативное значения в сочетании со значением личного локатива? **В.** какие иные значения выражаются теми же средствами, которые используются для выражения личной локативности? Выборка включает в себя 29 генеалогически и географически различных языков, в грамматических описаниях которых были обнаружены средства выражения личной локативности (из 100 языков из выборки WALS) [Dryer, Haspelmath 2013]. По заданным параметрам были сделаны следующие наблюдения:

А. Самым распространенным способом для выражения личных локативов являются адпозитивные (предложные и послеложные) показатели; они же чаще других способов выражения бывают специализированными. При использовании падежных суффиксов, как правило, привлекаются падежи с максимально общим локативным значением («общий локатив»). Кроме того, можно выделить две тенденции, характерные для форм личных локативов, выражаемых конструкциями: локативные формы посессивной конструкции, подвергшиеся эллипсису вершины, и локативные конструкции с (более или менее обязательным) показателем множественного числа.

Б. В некоторых языках мы обнаружили совпадение выражения личного эссива и латива (при существовании различных показателей эссива и латива при маркировании других пространственных отношений), однако данных слишком мало, и эта гипотеза требует дальнейшей проверки. Лишь в некоторых случаях доступны сведения о выражении личного элатива, что затрудняет формулировку каких-либо выводов о типах выражения этой ориентации. Сам по себе этот факт, в сочетании со сведениями из языков с полноценным описанием личных локативов, позволяет предположить, что личный элатив, возможно, реже специализируется.

В. Если говорить о пространственных отношениях, то показатель также может выражать общелокативное значение, а из конкретных локализаций — по-видимому, локализацию APUD. В таких случаях личнолокативное значение естественно считать «неосновным». Интересным, но недоступным по грамматикам типологическим параметром является соотношение у показателя личнолокативной функции и собственно функции выражения пространственного отношения относительно личного референта: в русском языке в сочетании с одушевленными ориентирами предлог *у*, кажется, употребляется в первую очередь именно в личнолокативном значении, а нахождение около личного референта выражается скорее предлогом *возле*. Вероятно, мы имеем дело с результатом постепенной специализации из показателя локализации APUD в личнолокативный показатель.

Литература

- Creissels, Mounole 2011 — D. Creissels, C. Mounole. Animacy and spatial cases: Typological tendencies, and the case of Basque // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles*. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 157–182.
- Daniel 2003 — M. A. Daniel. Towards a typology of personal locatives. Problem setting. Talk at The Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology (ALT V). Cagliari, September 15–18, 2003. (<http://web.tiscali.it/summerschool/ALT/Daniel.htm>)
- Dryer, Haspelmath 2013 — M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (<http://wals.info>)
- Luraghi 2011 — S. Luraghi. The coding of spatial relations with human landmarks // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 209–234.

А. Н. Закирова

МГУ, Москва

ФОРМА НА *-МА-* В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В докладе будет описана дистрибуция формы на *-ма-* в мокшанском языке¹ и ее свойства в разных контекстах.

1. Употребления с именной дистрибуцией

Во-первых, показатель *-ма-* образует существительные со значением *имени действия* [Коляденков, Заводова (ред.) 1962: 171]:

- (1) *c'ora-t'* *t'ε morə-n'* *mora-ma-c*
парень-DEF.SG.GEN этот песня-GEN петь-NZR-3SG.POSS.SG
c'eber'-əl'
хороший-PQP
'Исполнение парнем этой песни было хорошим'.

Номинализации этого типа продуктивны и сохраняют ряд глагольных свойств: противопоставление по виду, возможность модификации наречием и др.

Кроме этого, номинализации на *-ма-* могут иметь значение имени *инструмента* и *объекта* (2)–(3). В отличие от имени инструмента в (2), имя объекта в (3) может обозначать только неодушевленных референтов и не модифицируется наречиями способа:

- (2) *ved'-ən'* *tark-s'-əma-c'ə*
вода-GEN вытащить-IPFV-NZR-2SG.POSS.SG
aš'š'-i *εši-t'* *vaks-sə*
находиться-NPST.3.SG колодец-DEF.GEN.SG около-IN
'То, чем достать воду, находится у колодца'.
- (3) *mon'* *ul'-i* *mus'k-əma-z'ə*
я.OBL быть-NPST.3.SG стирать-NZR-1SG.POSS.SG
'У меня есть что стирать'.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00884.

Из именных признаков для форм типа (1)–(3) характерны наличие (и обязательность) посессивной морфологии и возможность модификации прилагательным. Субъект исходного глагола обязательно выражается генитивом.

2. Предикативная позиция

Наконец, еще один контекст употребления формы на *-ma-* — позиция сказуемого. Такие конструкции (4) могут выражать должествование разного рода; субъект исходного глагола в ней кодируется дативом, а объект переходного глагола — генитивом (стандартным падежом прямого дополнения в мокшанском) или номинативом. В последнем случае форма на *-ma-* согласуется с ним в лице и числе.

- (4) *mon'-d'ejə-n* *s'im-əma* *t'ε*
 я.OBL-PRON.DAT-1SG.POSS пить-NZR этот
nadobijə-s' / *nadobijə-t'*
 лекарство-DEF.SG лекарство-DEF.SG.GEN
 'Мне надо пить это лекарство'.

[Бубрих 1953] возводит форму на *-ma-* в этой конструкции к имени действия на *-ma-*. Однако синхронно предикативные употребления форма на *-ma-* по своим свойствам отличается от номинализаций в (1)–(3): они не допускают генитивного оформления субъекта исходного глагола, не могут нести посессивный показатель, не модифицируются прилагательными и др.

Любопытны ограничения на предикативное употребление формы на *-ma-*: она возможна не со всеми комбинациями участников.

- (5) a. *mon'-d'ejə-n* *n'i-ngə*
 я.OBL-PRON.DAT-1SG.POSS уже-ADD
uč-ət-at *ton*
 ждать-NZR-NPST.2SG ты
 'Мне еще нужно подождать тебя'.
- b. ?? *ton'-d'ejə-t* *n'i-ngə*
 ты.OBL-PRON.DAT-2SG.POSS уже-ADD
uč-ət-an *mon*
 ждать-NZR-NPST.1SG я
 'Тебе нужно еще подождать меня'.

Мы предполагаем, что здесь действует т. н. Inverse Agreement Constraint [Comrie 1980]. Этот принцип, в частности, описывает ограничения на субъектно-объектное согласование в чукотско-камчатских языках: объект, согласующийся с глаголом, должен быть ниже в иерархии одушевленности (6), чем субъект.

(6) 1SG > 1 PL > 2SG > 2PL > 3SG > 3PL...

В мокшанском языке возможность употребления формы на *-та-* также зависит от взаимного расположения участников на шкале одушевленности. Дативный участник должен быть выше на шкале, чем номинативный / генитивный, кроме случая, когда оба они 3 лица. Как выясняется, шкалу одушевленности мокшанский язык сегментирует следующим образом:

(7) 1SG > 1PL, 2 > 3

Список условных сокращений

ADD — аддитивная частица; DAT — датив; DEF — определенность; GEN — генитив; IN — инессив; IPFV — имперфектив; NPST — непрошедшее время; NZR — номинализатор; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PQP — второе прошедшее; PRON — местоимение; SG — единственное число.

Литература

- Бубрих 1953 — Д. В. Бубрих. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1953.
- Коляденков, Заводова (ред.) 1962 — М. Н. Коляденков, Р. А. Заводова. (ред.). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. I. Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Inverse verb forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak and Kamchadal // Folia Linguistica 1, 2010. P. 61–74.

J. Ye

Leipzig University, Leipzig — Fudan University, Shanghai

ADNOMINAL POSSESSIVE CONSTRUCTION IN MAINLAND SOUTHEAST ASIA

The aim of this study is to give an overview of adnominal possessive constructions in Mainland Southeast Asian languages [Enfield, Comrie 2015]. The first focus of this study is to analyze the structural types of adnominal possessive constructions in Mainland Southeast Asian languages. The second focus of this study is to generalize and explain the structural asymmetries in the adnominal possessive constructions. The third focus is to identify the phenomena of language contact in this area.

Four types of adnominal possessive constructions are attested in my sample: (1) simple juxtaposition, (2) with a possessive marker in the construction (the marker can be a preposition, a particle or a pronoun), (3) with a classifier or a demonstrative in the construction, (4) with a personal index. Each type has a variety of different subtypes, according to different word order.

The majority of the languages in my sample do not have overt marking to distinguish alienable and inalienable possession. When there is a split according to alienability, the inalienable construction is always shorter than the alienable one. In most cases, the inalienability is marked through the omission of the possessive marker.

There are structural asymmetries other than alienability. In some languages, there is formal distinction according to different kinds of possessors. This is the ‘possessor-induced split’ in this area. Another structural asymmetry occurs when the head noun is omitted. In some languages, when the head noun is absent, a new marker occurs.

Some formal evidences of language contact are attested in this area. In some languages, the word order of adnominal possessive constructions changed because of language contact. In other languages, the same possessive marker is used due to language contact.

References

- Enfield, Comrie 2015 — N. J. Enfield, B. Comrie. Mainland Southeast Asian languages // N. J. Enfield, B. Comrie (eds.). Languages of Mainland Southeast Asia: The State of the Art. Berlin — Boston: Walter de Gruyter, 2015. P. 1–27.

И. А. Кагиров

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ГЛАГОЛЬНЫЕ И ПСЕВДОГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДИКАЦИИ В СРЕДНЕЕГИПЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Традиционно в среднеегипетском языке выделяются две манифестации глагола: собственно финитный глагол и «номинализованная форма», сигнализирующая о переносе логического ударения на адвербиальный адъюнкт или актанта:

(1) a. *iw prj=j m hrw*
TOP выходить=1SG в день
'Я выхожу днем'.

b. *prr=j m hrw*
выходить;NMLZ=1SG в день
'Я выхожу (именно) днем'.

2. «Номинализованная форма» несовместима с дейктическим топикальным маркером *iw*. Кроме того, «номинализованная форма» способна занимать позицию прямого дополнения, являясь вершиной сентенциального актанта:

(2) *iw mrj Wsjr*
TOP любить Осирис
prr=j m hrw
выходить;NMLZ=1SG в день
'Осирис любит, что я выхожу днем'.

3. От обеих форм возможно, согласно традиционной точке зрения, образование причастий, занимающих позицию определения и согласующихся с вершиной по роду и числу:

(3) a. *st mr-t s=s*
женщина любить;PTCP-F муж=POSS;3SG;F
'женщина, любящая своего мужа'

- (3) *b. st* *mrr-t* *s=s'*
 женщина любить;NMLZ;PTCP-F муж=POSS;3SG;F
 ‘женщина, любящая (именно) своего мужа’

4. Наконец, «номинализованная форма» способна возглавлять абсолютный оборот в начале предложения:

- (4) *prr* *hmw=f* *wn* *t3tj*
 выходить;NMLZ Величество=POSS;3SG;M быть визирь
hr *ht=f*
 на живот=POSS;3SG;M
 ‘Когда Его Величество выходит, визирь простерт ниц’.

5. Показатель перфектива *-n-* не совместим с редупликацией: *prr=j* (выходить;NMLZ=1SG) vs *pr-n=j* (выходить;NMLZ-PFV=1SG или выходить-PFV=1SG, в зависимости от контекста).

6. Эта модель представляется мне неубедительной в силу того, что:

а) собственно «финитный глагол» не способен возглавлять главную предикацию без дейктической частицы *iw* или ИГ в позиции;

б) «финитный глагол» часто возглавляет зависимые предикации:

- (5) *dd-in* *Nmtj-Nht* *pn* *m33=f* *ʕ3-w*
 говорить-CNSV Немти-Нахт этот смотреть=3SG;M осел-PL
 ‘И сказал этот Немти-Нахт, смотря на ослов...’ (Bauer B1 20–21)

7. По происхождению «финитный глагол» в среднеегипетском языке является причастной формой, функционально же, на синхронном срезе — конвербом, возглавляющим обстоятельственные клаузы; как конверб он обладает категориями таксиса и аспекта.

8. «Абсолютный оборот» на основе «номинализованной формы» оказывается функциональным аналогом дейктического элемента, относительно которого строится предикация главного предложения, возглавляемого конвербом.

9. Редупликация в «номинализованной» форме является показателем темпорально нелокализованной ситуации; по этой причине

рассматриваемая форма способна возглавлять сентенциальные субъекты и дополнения, семантически приближаясь к именным формам, а также несовместима с показателем перфектива.

10. Среднеегипетский глагол, обладая базовой семантикой обстоятельственного конверба, обнаруживает слабую морфологическую дифференциацию основы в зависимости от синтаксической функции; я не вижу причин, по которым следовало бы выделять собственно финитный глагол, причастие и «номинализованную форму».

11. Взамен я предлагаю выделять форму, не обладающую временной референцией (маркированную редупликацией корневого консонанта) и форму, обладающую таксисной семантикой.

12. Я выделяю пять основных конвербов:

а) конверб с основной семантикой таксисного предшествования:

- (6) $tj\acute{s}w$ $ij=f$ $in-n=f$
 тем временем приходить=3SG;M захватить-PFV=3SG;M
 $\acute{s}kr^{\circ}nh-w$
 пленник-PL
 ‘Тем временем он возвращался, захватив пленников’. (Sin R 15–16)

б) «секвенциальный» конверб:

- (7) $h^{\circ}m-n=f$ wj
 приблизиться;NMLZ-PFV=3SG;M 1SG
 $\acute{s}tj-n=j$ $\acute{s}w$
 выстрелить-PFV=1SG 3SG;M
 $^{\circ}h\acute{z}w=j$ $mn(-w)$ m $mjnb=f$
 стрела=1SG;POSS остаться-3SG;M;RES в шея=3SG;M;POSS
 $\acute{s}bh-n=f$ $hr-n=f$ hr $fn-d=f$
 кричать-PFV=3SG;M упасть-PFV=3SG;M на нос=3SG;M;POSS
 ‘Когда он приблизился ко мне, я выстрелил в него; моя стрела засела в его шее, он закричал и упал ничком’. (Sin B 137–141)

в) конверб с основной семантикой таксисной одновременности:

- (8) *gm-n=j* *śn* *ir(j)=śn*
 найти;NMLZ-PFV=1SG 3SG делать=3PL
ḥ(3)b-w=śn *ʒsh=śn* *bt(j)=śn*
 праздник-PL=3PL:POSS пожинать=3PL пшеница=3PL:POSS
 ‘Я обнаружил их, (когда) они справляли свои праздники и
 пожинали свою пшеницу’. (СТ-V 99b–d)

г) конверб с основной семантикой неполной таксисной одно-
 временности первого типа (событие P₂ локализовано в P₁):

- (9) *gm-n[=f]* *św* *ḥr-prj-t*
 обнаружить;NMLZ-PFV=3SG;M 3SG;M DUR-выходить-INF
m *śbʒ*
 из ворота
 ‘Он обнаружил его выходящим из ворот...’ (Bauer B1 225–7)

д) результативный конверб:

- (10) *xpj-n=j* *s* *aḤa(-w)*
 встречать;NMLZ-PFV=1SG мужчина встать-RES;3SG;M
m *rA* *wAt*
 в начало дорога
 ‘Я встретил мужчину, вставшего у начала дороги’. (Sin B,
 10–11)

Список условных сокращений

CNSV — консекутив; DUR — дуратив; F — женский род; INF — инфинитив; M — мужской род; NMLZ — номинализатор; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PTCP — причастие; RES — результатив; SG — единственное число; TOP — топик.

Источники

Bauer B1 — pBerlin P 3023.

СТ-V — Тексты Саркофагов по изданию De Buck, A. The Egyptian Coffin Texts. V. Texts of spells 355–471. Chicago: The University of Chicago Press, 1954.

Sin R — папирус pBerlin P 10499.

Sin B — pBerlin P 3022.

*Е. В. Кашкин, Д. О. Жорник, А. Н. Закирова,
А. Д. Кожемякина, П. С. Плешак*

ИРЯ РАН, МГУ, МГУ, МГУ, МГУ, Москва

К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛОВ ПАДЕНИЯ: данные уральских языков¹

В работе рассматриваются в типологической перспективе семантика и конструкционные свойства глаголов падения (ср. рус. *упасть, свалиться, опрокинуться, высыпаться, шлепнуться* и др.) в 4 уральских языках: коми-зырянском (ижемский диалект), луговом марийском (преимущественно волжский говор), мокшанском (центральный диалект) и ненецком (тундровое наречие). Данные собраны в ходе полевой работы, привлекался также материал словарей и текстов. При всем обширном объеме исследований поля движения глаголы падения ранее системно не анализировались ни в языках нашей выборки, ни в целом в лексической типологии. Начало их типологическому исследованию положено в [Mustakimova 2014; Rakhilina 2015; Кашкин, Плешак 2015], но эти работы в первую очередь сконцентрированы на анализе русского и в меньшей степени английского материала и не содержат исчерпывающего объема типологических данных.

Наше исследование выявило семантические оппозиции в зоне глаголов падения в рассмотренных языках и основные модели метафорических сдвигов. В результате обнаружен ряд новых фреймов и моделей организации поля, а также верифицированы некоторые предварительные гипотезы предшественников. В частности, установлено, что:

1. В каждом из рассмотренных языков есть доминантный глагол падения, охватывающий значительное число ситуаций: его прототип — падение субъекта с одной поверхности на другую

¹ Исследование коми-зырянского и ненецкого языков поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476а. Исследование мокшанского языка поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884а.

расположенную ниже поверхность. Наряду с ним существует ряд глаголов с узкой семантикой, специфицирующих различные свойства субъекта (одушевленность, сыпучее вещество, осадки и др.), начальной точки (контейнер, кронштейн и др.), конечной точки (слой, жидкость и др.), ситуации падения в целом (разрушение, отпадение части от целого и др.).

2. Типологически важна оппозиция между падением сверху (яблоко с дерева) и падением — опрокидыванием² из вертикального положения (срубленное дерево). В уральских языках она часто устроена более дробно, чем отмечалось предшественниками. Так, в ненецком языке фреймы опрокидывания противопоставлены по одушевленности субъекта (*mo''нась* для одушевленных субъектов и *х'а́в'а́сь* для неодушевленных). Для коми-зырянской системы важно положение верхней части субъекта относительно наблюдателя: если она находится ниже наблюдателя (бутылка, опрокинутая на столе), то возможен только глагол опрокидывания *п'орны*; если же верхушка находится выше наблюдателя (срубленное дерево), то возможен как глагол *п'орны*, так и доминантный глагол *устьны*.

3. Опрокидывание одушевленных субъектов может особо осмысляться языками, лексически объединяясь с падением сверху (ср. коми-зырянский, где глагол опрокидывания *п'орны* не сочетается в прямом значении с одушевленными именами, и мокшанский, где такой глагол — *vel'ams* — сдвигается в семантику контролируемого перемещения одушевленного субъекта — ‘прилечь куда-л.’, тогда как неконтролируемое падение из любого исходного положения описывается доминантным *prams*). Кроме того, в зоне падения одушевленных субъектов лексически различается падение на живот и на спину (ненецкий язык).

4. Каждый из 4 языков имеет общий глагол падения жидкости и сыпучей массы (‘литься & сыпаться’). Часто та же лексема описывает и падение других типов множественных субъектов

² Слово *опрокидывание* используется нами в качестве метаязыкового ярлыка для любого падения из вертикального положения в горизонтальное (что, по-видимому, шире семантики русской лексемы *опрокидываться*).

(что не выделялось ранее как особый фрейм), ср. мокш. *pejer'əms* ‘литься, сыпаться’ также о листьях, яблоках, волосах, зубах, людях из опрокинувшегося корабля.

Важная особенность глаголов падения состоит в их когнитивной смежности со многими другими семантическими классами — как с другими группами глаголов перемещения, так и с глаголами звука, удара и разрушения. Эта смежность упоминалась в предыдущих работах (ср. также [Kashkin et al. 2012] о глаголах звука), но пока она и особенно механизмы ее проявления в полной мере не изучены типологически. По нашим данным, смежность глаголов падения и других классов может проявляться не только в комбинации соответствующих лексических значений (другие исследователи обращали внимание в основном на этот аспект), ср. к.-зыр. *kissьыны* ‘литься, сыпаться’ (падение) & ‘рваться, ветшать’ (разрушение), но и в системе метафор, а также в конструкционном варьировании. Например, мокшанский глагол *sradəms* описывает как разрушение предмета, так и падение в результате разрушения (дом при пожаре, мост в воду). Конструкционно он может вести себя и как глагол движения с Конечной точкой (1), и как глагол разрушения с Результатом (2), а кроме того, он допускает контаминированные конструкции с обоими типами участников (3). Метафоры же этого глагола основаны на идее разделения объекта, ср. ‘разойтись’ (о людях), ‘распространиться’ (о звуке).

- (1) *s'ec'* *srac'* *l'ej-t'i*
 мост.DEF.SG рухнуть.PST.3SG река-DEF.DAT
 ‘Мост рухнул в реку’.
- (2) *s'ec'* *srac'* *jomla* *kusokə-n'ε-n'*
 мост.DEF.SG рухнуть.PST.3SG маленький кусок-DIM-GEN
 ‘Мост разрушился на мелкие кусочки’.
- (3) *s'ec'* *srac'* *l'ej-t'i* *jomla*
 мост.DEF.SG рухнуть.PST.3SG река-DEF.DAT маленький
kusokə-n'ε-n'
 кусок-DIM-GEN
 Букв.: ‘Мост рухнул в реку на мелкие кусочки’.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; DAT — датив; DEF — определенное склонение; DIM — диминутив; GEN — генитив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Кашкин, Плешак 2015 — Е. В. Кашкин, П. С. Плешак. Идеофонические глаголы падения: семантические наблюдения и перспективы типологии // Вестник ВГУ, сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация» 3, 2015. В печати.
- Kashkin et al. 2012 — E. Kashkin, T. Reznikova, E. Pavlova, E. Luchina. Verbs describing sounds of inanimate objects: towards a typology // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог-2012». Вып. 11 (18). Т. 1: Основная программа конференции. М., 2012. С. 227–236.
- Mustakimova 2014 — E. Mustakimova. Verbs of falling: Lexico-Typological Perspective. Итоговая работа по курсу Methods in Data Collection and Analysis. М.: НИУ ВШЭ, 2014.
- Rakhilina 2015 — E. Rakhilina. Semantic / lexical typology: verbs of falling and beyond. Talk at the seminar “Verbs, verb phrases and verbal categories”. Jerusalem, 2015.

А. А. Козлов

МГУ — ИЯз РАН, Москва

КОНСТРУКЦИЯ *ЧУТЬ (БЫЛО) НЕ V* КАК ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ И НЕ ТОЛЬКО¹

Конструкция *чуть (было) не V* содержит в своем составе отрицательную частицу *не* — и это не случайно: эта конструкция отрицает наличие ситуации, названной лексическим глаголом. Однако кроме этого (т. н. *контрфактического*) компонента в ее значении есть как минимум еще два.

Это, во-первых, *проспективный* компонент: ‘имела место подготовительная стадия ситуации’.

Вообще говоря, сосуществование проспективного и контрфактического компонентов типологически часто; последний возникает у проспективных конструкций в сочетании с граммемой прошедшего времени как импликатура (*He was about to die* → *He didn't die*), которая обычно поддается эксплицитному отрицанию. Однако в случае с конструкцией *чуть было не V* это не так: **Я чуть было не упал и все-таки упал*. Возможно, это происходит потому, что для этой конструкции обязателен перфективный видовой ракурс: *Я видел человека, который был готов упасть / *который чуть не упал*. Не случайно она сочетается с только с глагольными формами совершенного вида (конструкция типа *чуть не V_{pfv}* имеет совершенно другие свойства, например, гораздо более избирательную сочетаемость — ^{OK}*чуть не плакал*, [?]*чуть не падал*, **чуть не умирал*).

Не являясь импликатурой, контрфактивный компонент не находится и в сфере действия ассерции. Это показывает, например, тест на использование клаузы с *чуть не* в качестве риторического аргумента (об этом тесте см., например, [Ziegeler 2006]):

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 14-18-02624 «Диакронически нестабильные аспектуальные категории».

- (1) *Вася сильный духом человек: не расплакался на приеме у директора.*
- (2) *Вася слабый духом человек: чуть не расплакался на приеме у директора.*
- (3) *#Вася сильный духом человек: чуть не расплакался на приеме у директора.*

Как видно из (1), то, что *Вася не расплакался на приеме у директора*, может служить доказательством силы его духа. Хотя высказывание с *чуть не* содержит этот компонент значения, его можно использовать для доказательства не этого, а противоположного утверждения. Это указывает на то, что в ассерции находится только проспективный компонент (в терминологии Московской семантической школы только он находится в вершине толкования).

Как мы видим, контрфактический компонент не находится в ассерции и не является импликатурой; более того, есть некоторые данные, которые мешают признать его пресуппозицией. В докладе мы надеемся обсудить прагматический статус этого компонента более подробно.

В значении данной конструкции есть и еще один невершинный компонент. В нулевом контексте носители русского языка обычно признают по крайней мере неуместными следующие два предложения:

- (4) *#Суп чуть не сварился.*
- (5) *#Мы чуть не продолжили разговор.*

В контексте типа (6) следующее предложение, однако, становится абсолютно уместным:

- (6) *Мы говорили, а тем временем в комнату вошел Иван Петрович. Мы **чуть не продолжили разговор**, но, слава Богу, вспомнили, что он — камбоджийский шпион.*

По-видимому, конструкция *чуть (было) не V* имеет еще и *адверсативную* пресуппозицию: ‘с точки зрения протаганта ситуация по глаголу *V* является не должной / нежеланной’. Об этом

свидетельствует и верхняя часть списка глаголов, ранжированных по относительной частоте употребляемости с конструкцией *чуть не* (по данным НКРЯ):

Ранг	
1	<i>чуть не стошило</i>
2	<i>чуть не сшиб</i>
3	<i>чуть не выронил</i>
4	<i>чуть не сверзился</i>
5	<i>чуть не подавился</i>
6	<i>чуть не задохнулся</i>
7	<i>чуть не передрались</i>
...	...

Итак, в значении конструкции есть по крайней мере два не-вершинных компонента, мало связанных между собой логически на синхронном этапе. Предполагается рассмотреть семантику русской конструкции в контексте того, что известно о типологии авертива [Kuteva 1998] — грамматической категории со значением ‘X almost did P’. По крайней мере в некоторых языках, типологически довольно далеких от русского, авертив также имеет адверсативную пресуппозицию — так ведет себя, например, авертивный глагол *хэ́са-* в тундровом ненецком языке:

- ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ
- (7) *туаг-туі* *туиконһ* ***хэ́са-дэм*** *туар-q*
чум-POSS.1SG сюда AVERT-1SG поставить-CONNEG
‘Я чуть было не поставил на это место свой чум’. (→ ‘На это место не очень хорошо ставить чум’.)

Эти и другие типологические данные будут подробно обсуждены в докладе.

Список условных сокращений

AVERT — авертив; CONNEG — коннегатив; POSS — посессив; SG — единственное число.

Литература

- Kuteva 1998 — T. Kuteva. On identifying an evasive gram: action narrowly averted // *Studies in Language* 22, 1, 1998. P. 113–160.
- Ziegeler 2006 — D. Ziegeler. *Interfaces With English Aspect. Diachronic and Empirical Studies*. Amsterdam: John Benjamins, 2006.

Л. С. Козлов

МГУ, Москва

КОНКУРЕНЦИЯ НАПРАВИТЕЛЬНЫХ ПАДЕЖЕЙ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В настоящем исследовании рассматриваются мокшанские существительные в формах латива на *-v/-u/-i*, иллатива на *-s/-c* и датива определенного склонения на *-t'i*, а также датива и иллатива посессивного склонения (показатели варьируются), выступающие в роли 'Конечный пункт движения'.

В мокшанском языке выделяют три типа склонения: определенный, неопределенный и посессивный. Основными факторами выбора склонения являются референциальный статус и наличие посессора. Полный набор падежей представлен лишь в неопределенном склонении. Латив используется только в неопределенном склонении, иллатив — в неопределенном и посессивном склонениях. Датив представлен во всех трех типах склонения. Рассматриваемые в работе формы существительных являются конкурирующими средствами выражения Конечного пункта, употребление которых до сих пор детально не описано.

В литературе говорится о противопоставлении «внешнеместный — внутреннеместный» между лативом и иллативом [Коляденков, Заводова (ред.) 1962]. В то же время, разные исследователи отмечают смешение функций латива и иллатива и их эквивалентность во многих случаях [Коляденков, Заводова (ред.) 1962; Серебренников 1967]. Определенный датив в направительной функции иногда рассматривают как «иллатив определенного склонения» [Цыганкин 1980], однако общепринятого мнения по этому поводу нет. Нами были исследованы аспекты, в которых данные

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ 15-04-18038 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков» и РФФИ 13-06-00884 А «Исследование морфосинтаксических параметров межязыкового варьирования в уральских и алтайских языках».

падежи могут использоваться по-разному, такие как локализация², референциальный статус³ и другие.

Полевые исследования показали следующее: все три падежа употребляются при локализации IN; кроме того, определенный датив и иллатив употребляется при локализациях SUPER ('на горизонтальной поверхности Ориентира') и CONT ('Объект прикреплен к Ориентирu'), а показатель латива допустим при локализации CONT, но не может употребляться при локализации SUPER.

Таблица 1⁴

	IN	CONT	SUPER
<i>LAT</i>	+	OK	*
<i>ILL</i>	+	+	+
<i>DEF.DAT</i>	+	+	+

Можно видеть, что направительные падежи не имеют четкого распределения по локализациям. Действительно, нередко оказываются возможными два или все три варианта:

- (1) *pet'ε suva-s' škola-v / škola-t'i /*
 Петя войти-PST.3:SG школа-LAT школа-DEF.DAT
škola-s
 школа-ILL
 'Петя зашел в школу'.

Однако такая вариативность наблюдается далеко не всегда. Распределение мокшанских направительных падежей является многофакторным и не задается жесткими правилами, но все же можно выявить существенные закономерности. Важнейшая из них связана с референциальным статусом, что отчасти отражено в грамматиках, поскольку показатели *-s* и *-v* относят к неопределенному

² Для локализаций используется терминология из [Ганенков 2002].

³ За основу взята классификация из [Падучева 1985].

⁴ Обозначения в таблицах: + — форма допускается всеми информантами и преобладает в качестве первой реакции; OK — допускается большинством информантов; ? — сомнительна для большинства информантов; ?? — запрещается большинством информантов; * — запрещается всеми.

склонению, а *-t'i* — к определенному. Это, однако, не проясняет соотношения между лативом и иллативом; кроме того, как показали полевые исследования, сама дихотомия «определенное vs. неопределенное склонение» является серьезным упрощением.

Ситуация представляется следующей: иллатив употребляется с неопределенными ИГ, причем преобладают данные формы лишь при использовании неопределенных местоимений:

- (2) *min' evl'aft-əs'k ki-t'*
 мы перепутать-PST:SG.O:1PL.S путь-DEF.GEN
i suva-mə kodamə bəd'ə oš-s
 и войти-PST.1PL какой INDEF город-ILL
 'Мы перепутали дорогу и заехали в какой-то город'.

Определенный датив является предпочтительным для определенных ИГ (см. (3)), но допустим и при других референциальных статусах.

- (3) *min' s'ora-n'əkə jaka-s' ombə-c'ə*
 мы.OBL парень-1PL.POSS ходить-PST.3SG десять-ORD
*škola-t'i / škola-v / *škola-s*
 школа-DEF.DAT школа-LAT школа-ILL
 'Наш сын ходил в школу номер десять'.

Латив слабее двух других падежей реагирует на референциальный статус и употребляется при определенных, неопределенных и нереперентных ИГ. Оформление лативом преобладает в таких частотных выражениях как 'в город', 'в лес', 'в школу', 'домой'.

- (4) *ton ar-n'-ət' t'eči oš-u?*
 ты ехать-IPFV-PST.2SG сегодня город-LAT
 'Ты ездил сегодня в город?'

Перечисленные ограничения не являются строгими, и некоторыми информантами допускаются любые сочетания падежей с референциальным статусом. В целом ситуацию можно отобразить так⁵:

⁵ В possessивном склонении во всех описанных случаях используются датив и иллатив, разница в употреблении которых остается неясной.

Таблица 2

Именные группы:	DEF.DAT	LAT	ILL
дейктически определенные	+	ОК	??
контекстно определенные	+	ОК	?
родовые	+	ОК	ОК
универсальные	ОК	ОК	ОК
экзистенциальные	ОК	ОК	+
неопределенные	?	ОК	+

В посессивном склонении не существует форм латива. Употребляются формы датива (показатель может принимать разные формы) и иллатива (в посессивном склонении показатель имеет вид *-z(ə)-*):

- (5) *pet'ε sa-s' min' vel'ə-z-nək /*
 Петя прийти-PST:3SG мы.OBL село-ILL-1PL.POSS
vel'ə-n'əkə-n'd'i
 село-1PL.POSS-DAT
 'Петя приехал в наше село'.

Действуют также ограничения другого рода: так, определенный датив плохо сочетается с топонимами, а латив недопустим с названиями субстанций ('вода', 'сахар', 'огонь').

Таким образом, в мокшанском языке наблюдается сложное распределение направительных падежей, которое не укладывается ни в противопоставление «латив — иллатив», ни в традиционное для мокшанской грамматики разделение падежных показателей на определенные и неопределенные.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; DEF.DAT — датив определенного склонения; DEF.GEN — генитив определенного склонения; ILL — иллатив; INDEF — показатель неопределенного местоимения; IPFV — имперфектив; LAT — латив; O — объект (прямой); OBL — косвенная форма местоимения; ORD — порядковое числительное; PL — множественное число; POSS — посессор; PST — прошедшее время; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей (дипломная работа). М.: МГУ, 2002.
- Коляденков, Заводова (ред.) 1962 — М. Н. Коляденков, Р. А. Заводова (ред.). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. I. Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Серебренников 1967 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967.
- Цыганкин 1980 — Д. В. Цыганкин (ред.). Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология. Учебник для национальных отделений вузов. Саранск: Мордовский государственный университет, 1980.

Е. В. Коровина

ИБКА РГГУ, Москва

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ СЛЕДОВАНИЯ АФФИКСОВ ЧИСЛА И ПАДЕЖА

Согласно данным атласа лингвистических структур WALS, в случае если в языке множественное число и падеж выражаются при помощи отдельных морфем, то в наибольшем числе случаев (273 из 836) и морфема падежа, и морфема множественного числа выражаются при помощи суффиксов. При этом в работе Дж. Гринберга 1963 года (цит. по [Гринберг 1970]) о языковых универсалиях утверждается: «Там, где присутствуют морфемы числа и падежа и обе они следуют за именной основой или обе предшествуют ей, морфема числа почти всегда находится между именной основой и морфемой падежа».

Согласно архиву языковых универсалий университета Констанца [Universals Archive, № 7] известно лишь об одном исключении из нее, так считается, что в праиндоевропейском языке аккузатив множественного числа выглядел как *-n-s*, где *-n* — показатель аккузатива, а *-s* множественного числа. Нечто подобное имело место и в истории армянского языка, как показал в своем докладе В. А. Плунгян [2014]. Существует как минимум еще один случай нарушения этой универсалии — язык соке Чиапаса. Форма показателя числа зависит от диалекта в Копайнале это *-ta'm*, в Око-тепеке *-tam* и *-yumi* в Тапалапе:

- (1) *teʔ peka-pin-ʔis-tam y-tzam-yaj-pa ke...*
DET старый-человек-ERG-PL 3A-сказать-3PL-INC что
'Старые люди сказали, что...' [Faarlund 2012: 38]¹

¹ Орфография в примерах (1)–(3) модифицирована для приведения к единому виду согласно рекомендациям Т. Кауфманна для языков региона.

Однако если падеж маркирует каждую именную группу, то показатель числа при наличии сочинения присоединяется только к последнему элементу:

- (2) *teʔ watñahjɔpɪ-ʔis u teʔ kargeru-ʔis-yumu*
 DET музыкант-ERG или DET замена-ERG-PL
 ‘музыканты или те, кто их заменяют’ [Faarlund 2012: 39]

Подобное имеет место не только в разных вариантах соке Чиапаса, а также в соке Санта-Мария-Чималапа и другом языке группы соке — сьерра пополука:

- (3) *yíʔp tzaʔ Ø-piñ-neʔ-taH-W kaama-joj.mi-yaʔ*
 этот камень 3А-собрать-PERF-PASS-CMP поле-LOC-PL
 ‘Эти камни были собраны в полях’.
 [de Jong Boudreault 2009: 171–172]

При этом в сьерра пополука использование показателя числа крайне ограничено, и в грамматике отсутствуют примеры употребления этого показателя не после локативного падежа.

Еще одним возможным кандидатом на нарушение универсалии является язык баруйя (транс-новогвинейская семья), где локатив также может предшествовать числовому показателю [Lloyd 1989: 28], однако следует за показателем объекта:

- (4) *a'mwe-raar-i*
 мужчина-DUAL-OBJ
 ‘к этим двум мужчинам’
- (5) *anga-ban-yaawo*
 деревня-LOC-PL
 ‘во многих деревнях’

Однако не менее интересны теоретически возможные, хотя и крайне редко встречающиеся случаи, когда морфемы числа и падежа выражаются по разную сторону от слова, к которому они относятся, например, в уэуэгла тепеуа [Kung 2007: 475]:

- (6) *juu laka-x-lakaytat qay k'iw-in*
 DET DIR-3POS-центр большой дерево-PL
 ‘в середине леса’

Во всех известных автору таких примерах в языке имеются только локативные (не ядерные падежи), а также выражение числа скорее факультативно. Таким образом, автору представляется возможным сделать следующее обобщение: «Если в языке ядерные актанты кодируются падежом и выражение числа обязательно, практически всегда обе морфемы следуют за именной основой или обе предшествуют ей, при этом морфема числа почти всегда находится между именной основой и морфемой падежа».

Список условных сокращений

A — абсолютив; CMP — комплетив; DET — артикль; DIR — дирекционал; DUAL — дуалис; ERG — эргатив; INC — инкомплетив; LOC — локатив; OBJ — объект; PASS — пассив; PERF — перфект; PL — множественное число; POS — посессив.

Литература

- Гринберг 1970 — Дж. Гринберг. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Б. А. Успенский (ред.). Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: Прогресс, 1970. С. 114–162.
- Плунгян 2014 — В. А. Плунгян. Экстернализованные аффиксы: материалы к типологии Доклад на Чтениях, посвященных 50-летию Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 22.04.2014.
- Faarlund 2012 — J. T. Faarlund. A Grammar of Chiapas Zoque. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- de Jong Boudreault 2009 — L. J. de Jong Boudreault. A Grammar of Sierra Popoluca. PhD Thesis, University of Texas at Austin, 2009.
- Kung 2007 — S. Kung. A Descriptive Grammar of Huehuetla Tepehua. PhD Thesis, University Austin of Texas, 2007.
- Lloyd 1989 — R. Lloyd. Bound and Minor Words in Baruya. Ukarumpa: Summer Institute of Linguistics, 1989.
- Universals Archive — The Universals Archive 1998–2009. (<http://typo.uni-konstanz.de/archive/nav/browse.php?number=7>, доступ 13.02.2015)

И. В. Макаrchук

МГУ, Москва

К ТИПОЛОГИИ СЕМЕЛЬФАКТИВА: МОКШАНСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ НА *-kst*¹

Доклад посвящен семантике семельфактивного суффикса *-kst* в мокшанском языке. В [Плунгян 2000] отмечается, что «грамматикализация быстроты — явление хотя и не сверхчастое, но отнюдь не экзотическое», а «смысл ‘быстро’ безусловно имеет все основания быть включенным в универсальный грамматический набор». Далее смысл ‘быстро’ предлагается сделать ключевым при описании русского семельфактива на *-ну*.

В лингвистической литературе практически нет информации о суффиксе *-kst*. В ходе же мордовской экспедиции ОТиПЛа МГУ в 2015 г. выяснилось, что он имеет целый спектр значений: семельфактивное, аттенуативное и инхоативное. В докладе мы попытаемся объяснить это с типологической точки зрения.

В [Smith 1997] вводится особый акциональный тип Семельфактив, определенный как динамический, непределенный и мгновенный ([-Static] [-Telic] [-Dynamic]). В мокшанском такие предикаты образуются от мультипликативных процессов (1), а также междометий (2) и глаголов эмиссии (3):

(1) *brad-əz'ə* *koz-ksta-s'* (< *koz-əms* ‘кашлять’) *fes't'*
брат-1SG.POSS.SG кашлять-SMLF-PST.3SG раз
‘Мой брат один раз **кашлянул**’.

(2) *ava-s'* *uf-ksc'* (< *uf* ‘ох’) *staka* *rabota-t'* *ez-də*
баба-DEF ох-SMLF.PST.3SG тяжелый работа-DEF.GEN в-ABL
‘Женщина **охнула** от тяжелой работы’.

¹ Исследование поддержано грантами РГНФ 15-04-18038 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков» и РФФИ 13-06-00884 А «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках».

- (3) *mon af naroč kaja-kst-ən'* (< *kaja-ms* 'лить')
 я NEG нарочно лить-SMLF-PST.1SG
 'Я случайно **ливанул**'.

Однако показатель может иметь и **аттенуативное значение** в образованиях от предельных глаголов (4) и глаголов состояния (5):

- (4) *loman'-c' sa-s', oza-ksc'* (< *oza-ms* 'сесть')
 человек-DEF прийти-PST.3SG сесть-SMLF.PST.3SG
i tu-s'
 и уйти-PST.3SG
 'Человек пришел, **присел ненадолго** и ушел'.

- (5) *s'er'ət'-ksc'* (< *s'er'əd'-əms* 'болеть') *gr'ip-sə* / **infarkcə*
 болеть-SMLF.PST.3SG грипп-IN инфаркт.IN
 'Приболел гриппом / *инфарктом'.

При этом у глаголов, как в (5), иногда разрешают просто **инхоатив**. От неотглагольных прилагательных образуются **инцептивы** (6) и **ингрессивы от процесса градуального накопления состояния** (7). Возможно, следует постулировать отдельный суффикс *-kstəm-* со своим значением, но очевидно, что он исторически связан с *-kst-*:

- (6) *s'ovan'-c' kemə-l-gəc'*,
 глина-DEF твердый-VBZ-INCP.PST.3SG
a tosə kemə-ksta-s' (< *kemə* 'твердый')
 а потом твердый-SMLF-PST.3SG
 'Глина твердела, а потом **затвердела**'.
- (7) *t'išə-s' t'užə-kstəm-s'* (< *t'užə* 'желтый'),
 трава-DEF желтый-SMLF?-PST.3SG
a tosə t'užə-l-gəc'
 а потом желтый-VBZ-INCP.PST.3SG
 'Трава **начала желтеть**, а потом пожелтела'.

Наблюдаемый в *-kst-* кластер значений мы предлагаем объяснить как вторичные семантические эффекты грамматикализовавшегося значения 'быстро'. Атенуатив, наблюдаемый в (4)–(5), является «лишь вторичным прагматическим следствием «сокращен-

ной” во времени реализации ситуации» ([Плунгян 2000]). В *-kst*-совмещены смыслы *быстро* — *резко* (— *неожиданно*) — *слегка*, как в русском суффиксе *-ну-*: ср. *кашлянуть*, *полоснуть* и *курнуть*. Что касается инхоатива в (5)–(7), то совмещение инхоатива и семельфактива отмечается в [Bacz 2012] на примере польского языка, где инхоативный префикс *za-* и семельфактивный суффикс *na-* при глаголах звука семантически эквивалентны: *Drzwi zaskrzypiały* vs. *Drzwi skrzypnęły* ‘Дверь скрипнула [заскрипела]’. Такой глагол «обозначает начало акустического события, которое обычно коротко, таким образом образуя ощущение мгновенности, типичное для семельфактива» [Bacz 2012: 116].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лица; ABL — аблатив; DEF — определенное склонение; GEN — генитив; IN — инессив; INCP — инцептив; NEG — отрицание; POSS — обладание; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SMLF — семельфактив; VBZ — «вербализатор».

Литература

- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. «Быстро» в грамматике русского и других языков // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово в тексте и словаре. Сборник статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 212–223.
- Bacz 2012 — B. Bacz. Reflections on semelfactivity in Polish // *Studies in Polish Linguistics* 7, 2012. P. 107–128.
- Smith 1997 — C. S. Smith. *The Parameter of Aspect*. Dordrecht — Boston — London: Kluwer Academic Publishers, 1997.

A. Montébran

INALCO — LLACAN, Paris

NEGATION STRUCTURES IN THE CONTEXT OF TAM IN WEST-ATLANTIC LANGUAGES

This paper deals with a presentation of the conclusions from my master thesis, concerning negation structures in the context of TAM in the West-Atlantic languages. The main aim was to study the characteristics and the behaviour of negation in a sample of languages from the Atlantic group in order to establish hypotheses for a further systematic analysis. This was based on typological observations such as the frequency of particular structures for negating command or wish forms, the reciprocal conditioning between negation and TAM patterns, changes in the verbal aspectual morphology but also in the choice of time adverbs, or eventually a modification of the linear constituent order of the sentence. In some of these cases many languages do not use a direct negative equivalent of the affirmative form.

The West-Atlantic languages form a very heterogeneous group, in which all of these languages have a very rich verbal morphology. In this frame, many Atlantic languages show a complexity of negation patterns. Neither the negation structures nor the TAM pattern of Atlantic languages have yet been studied in a systematic comparative analysis, therefore I decided to use negation as an entry point for a compared study of the TAM system of Atlantic languages. The issue of different negation patterns in different TAMs is very challenging and should provide important progress for the comparative grammar of the Atlantic languages and offer a very fertile material for both the negation typology and the typology of the verbal system of African languages.

This first study presents 11 languages from each sub-division of the Atlantic group (Wolof, Buy, Biafada, Badiaranke, Pulaar, Laalaa, Mankanya, Joola Banjal, Bijogo, Balante Kentohe, Balante Ganja) and outlines an overview of the morphosyntactic strategies used by these languages for the negation. During an intensive year data was collected

for this purpose, the majority coming from published grammar books, and was complemented with my own personal field work in Senegal to fill in the lack of descriptions for some languages (namely Mankanya and Joola Banjal). The study went from the negative morphemes themselves (number, nature and behaviour) to the interactions and process caused by the transition to negation (changes in the constituent order, use of a complementary suprasegmental mark or introduction of a specific structure), looking for all paradigms that were affected (pronouns, adverbs or conjunctions).

I will present how the negation influences the construction of the sentence developing the example of perfective and imperfective constructions. This point shows both commonalities and differences between the Atlantic languages, and the diversity of strategies they are using. Based on numerous examples from the collected data, I will analyse the transition of affirmative perfective and imperfective sentences into negative ones; asking which type of changes incurred by the structures becoming negative, and looking for several paradigms affected by these modifications (as clitic object pronouns or pronominal subject forms for example).

Н. А. Муравьев

МГУ, Москва

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ
ИЛИ ОБРАТНЫЙ КОНТРОЛЬ: к проблеме
согласования простого конверба в южноахвахском языке**

Простой конверб является одним из наиболее распространенных средств маркирования межклаузалных отношений в андийской ветви нахско-дагестанских языков. Не является исключением и ахвахский язык, в котором проблема согласования простого конверба до некоторой степени освещена для северного [Steisels 2012] и южного [Муравьев 2015] диалектов. Настоящий доклад представляет собой более углубленный обзор ситуации в южном диалекте, на материале, собранном в полевой работе в с. Ратлуб Шамильского района респ. Дагестан в 2014 и 2015 годах¹.

В обоих диалектах форма простого конверба имеет идентичную морфологию либо с префиксальным и суффиксальным, либо только с суффиксальным слотом для показателей классного согласования. Префиксальное согласование контролируется исключительно собственным S/P-аргументом конверба, тогда как суффиксальный показатель может также отсылать и к референту из внешнего контекста. Любопытный случай внешнего согласования конверба имеет место в составе аналитической формы с копулой, где он, как кажется, может согласовываться, во-первых, с собственным агенсом (1) и, во-вторых, с S/P-аргументом зависимой деепричастной клаузы (2).

- (1) *ha-j* *waša-lo-de* *ʕeʕe* *q:am-e* /
PROX-HPL мальчик-OBL.PL-ERG яблоко есть-CNV.N
q:am-i *q^w-ara*
есть-CNV.HPL быть-PFV
'Эти мальчики съели яблоко'.

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 14-18-02429.

- (2) *hu-s^wa* [*isi ba-ka-j-rixe*]
 DIST-OBL.M:AFF мы HPL-оставаться-CNV.HPL-RES
harig^w-e / *harig^w-i* *q^w-ara*
 видеть-CNV.N видеть-CNV.HPL быть-PFV
 ‘Он увидел, что мы стоим’.

Такое странное поведение конверба имеет два возможных объяснения: семантическое и синтаксическое. Согласно первой трактовке, которой придерживается Дени Крессель в описании североахвахских данных, внешним контролером согласования является топиальный и прагматически релевантный для зависимой ситуации участник [Creissels 2012: 152–153]. В пользу такого подхода говорит, к примеру, тот факт, что при фокализации агенса в примерах типа (1), согласовательный показатель того же класса и числа, что и сам агенс, оказывается неграмматичен. Однако в этом случае мы упускаем из виду то соображение, что в самостоятельном своем употреблении (без связки) конверб, как показывает Крессель, и это подтверждается материалом южного диалекта, не может в принципе согласовываться с неабсолютивным аргументом в пределах той же клаузы. Следовательно, его согласовательные свойства в составе аналитической формы необходимо рассматривать принципиально иным образом.

Вторая трактовка состоит в том, что контролером согласования выступает некоторый невыраженный абсолютивный аргумент. К примеру, в случае (1) это единственный аргумент бытийной связки, кореферентный агенсу, тогда как в (2) — второй актанта глагола видеть, кореферентный участнику в зависимой клаузе. В обоих случаях напрашивается анализ в терминах так называемого «обратного контроля» по [Polinsky, Potsdam 2002]. Такой взгляд, помимо всего прочего, подкрепляется тем, что в отличие от данных северного диалекта, в южном внешнее согласование возможно только с S/P-аргументом и только при наличии у обеих клауз общих участников.

Таким образом, несмотря на некоторые сложности с принятием описанного выше синтаксического анализа (к примеру, отсутствие согласовательных показателей у копулы в случае класса HPL (1), для которого имеется отдельная форма), такой подход,

на наш взгляд, выглядит более убедительным, чем семантический, что мы и постараемся продемонстрировать в настоящем докладе.

Список условных сокращений

AFF — аффектив; CNV — деепричастие; DIST — дальний дейксис; ERG — эргатив; HPL — множественный одушевленный класс; M — мужской класс; N — средний класс; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PROX — ближний дейксис; RES — результатив.

Литература

- Муравьев 2015 — Н. А. Муравьев. Внешнее согласование простого конверба в южноахвахском языке // Материалы IV конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2015.
- Creissels 2012 — D. Creissels. External agreement in the converbal construction of Northern Akhvakh // V. Gast, H. Diessel (eds.). *Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin — Boston: Walter de Gruyter, 2012. P. 127–156.
- Polinsky, Potsdam 2002 — M. Polinsky, E. Potsdam. Backward control // *Linguistic Inquiry* 33, 2002. P. 245–282.

Е. С. Новикова

МГУ, Москва

**КОНДИЦИОНАЛ
В МОКША-МОРДОВСКОМ ЯЗЫКЕ:
о необычном употреблении условного наклонения¹**

Традиционно в мокшанском языке выделяют изъявительное, повелительное, побудительное, сослагательное, желательное условное и условно-сослагательное наклонения. Наше исследование будет посвящено условному наклонению или кондиционалу, который отличается рядом нетривиальных типологических свойств.

Формы условного наклонения глаголов образуются путем добавления к глагольной основе суффикса *-n'd'er'ε-* и лично-числовых окончаний. Необходимо заметить, что в категории времени в мокшанском языке есть три граммы: настоящее время, первое прошедшее и второе прошедшее, имеющее значения из зоны «сверхпрошлого» (подробнее о втором прошедшем см. [Новикова 2014]). Важным является то, что кондиционал не сочетается с показателями первого прошедшего времени:

- (1) a. *jesl'ə son ran'sə mor-s'ə-s'-∅*,
если он раньше петь-IPFV-PST.3-SG
to i mora-j-∅ t'en'ij-ən'gə
то и петь-NPST.3-SG сейчас-ADD
- b. (*jesl'ə*) *son ran'sə mor-s'ə-n'd'er'ε-s'-∅*,
если он раньше петь-IPFV-COND-PST.3-SG
to i mora-j-∅ t'en'ij-ən'gə
то и петь-NPST.3-SG сейчас-ADD
'Если он раньше всегда пел, то и сейчас поет'.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 13-06-00884 А «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках».

Интересно, что показатель кондиционала может сочетаться с формами инфинитива. Это ставит под вопрос отнесения данной граммы к разряду глагольных наклонений, т. к. наклонение — характеристика финитных форм:

- (2) *mol'-ən'd'er'ε-m-s fs'əgda vid'ə-stə* —
 идти-COND-INF-ILL всегда прямой-EL
n'ej-at pant-t
 видеть-NPST.2SG гора-PL
 'Если идти все время прямо — увидишь горы'.

В существующих описаниях мокша-мордовского языка упоминается, что «условное наклонение показывает, что действие с точки зрения говорящего лица возможно при известных условиях, указываемых и в другом глаголе» [Коляденков, Заводова (ред.) 1962].

Наши данные подтверждают это, однако необходимо сделать ряд важных замечаний. В том случае, когда кондиционал сочетается с настоящим временем, получившаяся глагольная форма может реферировать только к будущему времени:

- (3) *kit'n'ə-n'd'er'ε-j-∅ ked'-c'ə,*
 чесаться-COND-NPST.3-SG рука-2SG.POSS.SG
vad'-k maz'-sə
 мазать-IMP.3SG.O.SG.S мазь-IN
 'Если у тебя зачесется рука, намажь ее кремом'.
 *'Если у тебя чешется рука, намажь ее кремом'.

- (4) **vas'ε s'ičas udə-n'd'er'ε-j-∅,*
 Вася сейчас спать-COND-NPST.3-SG
st'a-ft-k son'
 встать-CAUS-IMP.3SG.O.SG.S он.OBL
 'Если Вася сейчас спит, разбуди его'.

Как уже было сказано выше, второе прошедшее время в мокшанском языке имеет несколько значений. В частности, оно может маркировать фоновое действие или выражать прекращенное прошлое. Кроме того, оно употребляется в контекстах контрафактического условия и следствия. Однако формы с кондиционалом и *-əl'* имеют исключительно значение контрафактического условия:

- (5) *pic'ə-n'd'er'ε-l'-∅ ol'ε vas'ənda abət
 варить.IPFV-COND-PQP-SG Оля раньше обед
 i t'en'ij-əngə pid'-i-∅
 и сейчас-ADD варить-NPST.3-SG
 'Если Оля раньше всегда варила обед, то и сейчас сварит'.
- (6) (jesl'ə) son sa-n'd'er'ε-l'-∅,
 если он прийти-COND-PQP-SG
 to mol'-əl'-əmə jaka-mə
 то идти-PQP-PST.1PL ходить-INF
 'Если бы он пришел, мы бы пошли гулять'.

Также формы с показателем *-n'd'er'ε-* могут употребляться в независимых клаузах. В этом случае они выражают апрехензив (см., например, [Плунгян 2004]).

- (7) nuka peksta-k kenkš-t' —
 ну-ка закрыть-IMP.3SG.O.SG.S дверь-DEF.SG.GEN
 suva-n'd'er'ε-j-t' vor-t!
 зайти-COND-NPST.3-PL вор-PL
 'Ну-ка закрой дверь, а не то вдруг вору зайдут!'

Интересно, что в мокшанском языке есть частица *d'er'ej* со значением 'разве':

- (8) d'er'ej son tu-s'-∅?
 разве он уйти-PST.3-SG
 'Разве он ушел?' {А я и не видала.}

Учитывая этот факт, мы можем выдвинуть следующую гипотезу, объясняющую наши данные: употребляя частицу 'разве', говорящий предполагает, что ситуация не имела места, соответственно, воспринимает ее как нереальную. Это начальная точка грамматикализации. Более подробный анализ развития значения данной граммемы кондиционала, зависимого и независимого употребления кондиционала также будет представлен в докладе.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ADD — аддитивная частица; CAUS — каузатив; COND — кондиционал; DEF — определенность; EL — элатив; GEN — ге-

нитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PQR — плюсквамперфект; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Коляденков, Заводова (ред.) 1962 — М. Н. Коляденков, Р. А. Заводова (ред.). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Часть I. Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962.
- Новикова 2014 — Е. С. Новикова. К типологии плюсквамперфекта: семантика второго прошедшего времени в мокшанском языке // О. В. Кузнецова и др. (ред.). Одиннадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2014 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 122–124.
- Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. Предисловие // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 9–25.

А. Ч. Пиперски

РГГУ — РАНХиГС — НИУ ВШЭ, Москва

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ И ФОРМАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РУССКИХ ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ

Русским двувидовым глаголам уделяется немало внимания в работах по аспектологии (из достаточно подробных исследований упомянем только [Мучник 1966; Зализняк, Шмелев 1997; Тихонов, Хашимов (ред.) 2009; Петрухина 2009]). В частности, много вопросов вызывает трактовка статуса двувидовых глаголов (см. обзор существующих точек зрения в [Горобец 2007]).

Несмотря на это, исследования двувидовых глаголов носят по большей части качественный характер и опираются на интроспекцию авторов; корпусные данные в них обычно привлекаются лишь как источник примеров. В то же время в русской корпусной лингвистике приобрел популярность подход, связывающий различное поведение единиц того или иного грамматического класса с их так называемыми грамматическими профилями, т. е. с относительной частотой их форм: ср., напр., работы Л. Янды и О. Ляшевской [Janda, Lyashevskaya 2011], О. Ляшевской [Lyashevskaya 2015], Ю. Кузнецовой [Kuznetsova 2015] и др. Представляется, что корпусное исследование грамматических профилей двувидовых глаголов могло бы пролить свет на некоторые их особенности. Так, было бы интересно понять, какие из двувидовых глаголов более похожи на глаголы НСВ, а какие — на глаголы СВ.

Пилотное исследование на материале текстов 1990–2012 гг. из основного подкорпуса НКРЯ (~ 80 млн словоформ) показало, что доля форм настоящего / будущего времени, прошедшего времени (включая сослагательное наклонение) и инфинитива различается между собой:

1) глаголы СВ, у которых ПРОШ + СОСЛАГ заметно преобладает над двумя другими формами;

2) глаголы НСВ с некоторым количеством примыкающих к ним двувидовых глаголов, у которых НАСТ / БУД и ПРОШ + СОСЛАГ преобладают над ИНФ;

3) двувидовые глаголы, у которых ИНФ преобладает над ПРОШ + СОСЛАГ, а чаще всего и над НАСТ / БУД.

Примеры глаголов каждой из трех групп приведены в Таблице 1 (двувидовые глаголы выделены полужирным):

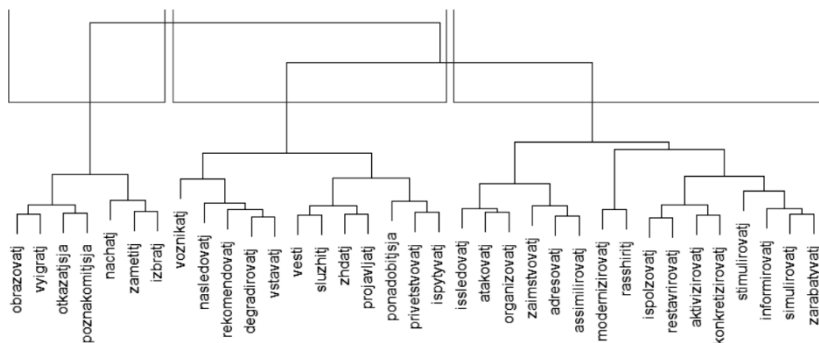
Таблица 1. Грамматические профили некоторых русских глаголов

Глагол	Доля НАСТ / БУД	Доля ПРОШ + СОСЛАГ	Доля ИНФ	Число вхождений
<i>выиграть</i>	14 %	60 %	26 %	3849
1) <i>избрать</i>	9 %	72 %	19 %	1236
<i>отказаться</i>	9 %	62 %	29 %	8912
<i>вести</i>	38 %	33 %	29 %	20013
2) <i>возникать</i>	73 %	23 %	4 %	9876
<i>ждать</i>	41 %	36 %	23 %	24924
<i>приветствовать</i>	40 %	42 %	18 %	1753
<i>исследовать</i>	20 %	37 %	43 %	1319
3) <i>модернизировать</i>	15 %	22 %	63 %	238
<i>симулировать</i>	35 %	24 %	41 %	89
<i>стимулировать</i>	50 %	17 %	33 %	1163

Особенно наглядно это разбиение видно на Рис. 1, где представлен результат иерархической кластеризации методом Уорда на основе евклидовых расстояний между долями трех групп форм. В выборку были включены 19 двувидовых глаголов на *-ова-* и *-ирова-*, перечисленные в [Зализняк, Шмелев 1997: 66] и встретившиеся в использованном корпусе более 100 раз, а также 16 случайно выбранных единиц из числа тысячи наиболее частотных глаголов по словарю [Ляшевская, Шаров 2009]. Некоторые единичные исключения, наблюдаемые на Рис. 1 (*понадобиться* в кластере с глаголами НСВ, *расширить* и *зарабатывать* в кластере с двувидовыми глаголами), не нарушают общей картины.

Грамматические профили явно связаны с возникновением формально выраженных видовых противопоставлений у двувидовых глаголов:

Рис. 1. Иерархическая кластеризация 35 русских глаголов



– если двувидовой глагол из группы 2) начинает формально выражать видовые противопоставления, это происходит при помощи приставочной перфективации (*порекомендовать*, *поприветствовать*);

– если же формальные видовые противопоставления появляются у двувидового глагола из группы 3), они реализуются с помощью суффиксальной имперфективации (*атаковывать*, *организовывать*, *адресовывать*).

Пока не вполне ясно, что из этого — частотность форм или способ видовой дифференциации — является причиной, а что следствием (тем более что в дело могут вмешиваться и другие факторы: напр., имперфективный суффикс *-ыва-* может присоединяться только к глаголам на ударное *-овать*: ср. *организовать* ~ *организовывать*, но *заимствовать* ~ **заимствовывать*). Как бы то ни было, связь между грамматическим профилем и направлением формальной видовой дифференциации представляет интерес для дальнейшего исследования.

Список условных сокращений

БУД — будущее время; ИНФ — инфинитив; НАСТ — настоящее время; НСВ — несовершенный вид; ПРОШ — прошедшее время; СВ — совершенный вид; СОСЛАГ — сослагательное наклонение.

Литература

- Горобец 2007 — Е. А. Горобец. Статус двувидовых глаголов в современном русском языке // Ученые записки Казанского государственного университета (Гуманитарные науки) 149, 2, 2007. С. 263–271.
- Зализняк, Шмелев 1997 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Лекции по русской аспектологии. München: Otto Sagner, 1997.
- Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка. Москва: Азбуковник, 2009.
- Мучник 1966 — И. П. Мучник. Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке // Вопросы языкознания 1, 1966. С. 61–75.
- Петрухина 2009 — Е. В. Петрухина. Русский глагол: категории вида и времени. Москва: МАКС Пресс, 2009.
- Тихонов, Хашимов (ред.) 2009 — А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов (ред.). Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. В 2-х тт. Т. 1. Москва: ФЛИНТА, 2009.
- Janda, Lyashevskaya 2011 — L. Janda, O. Lyashevskaya. Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian // Cognitive Linguistics 22, 4, 2011. P. 719–763.
- Kuznetsova 2015 — J. Kuznetsova. Linguistic Profiles: Going From Form to Meaning via Statistics. Berlin — Boston: Walter de Gruyter, 2015.
- Lyashevskaya 2015 — O. Lyashevskaya. Corpus-based profiles of Russian nouns: from grammatical number to lexical semantics. Working Papers by NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”, 2015.

П. С. Плешак

МГУ, Москва

О СТАТУСЕ ПОСЕССОРА В МОКШАНСКОЙ ИГ¹

Посессивные отношения (не предикативные) в языках мира могут выражаться конструкциями с внутренним (составляющим одну ИГ с обладаемым) и внешним (не входящим в одну ИГ с обладаемым) посессором. Чаще всего внешний и внутренний посессор в языке кодируются по-разному. В случае, когда и внешний, и внутренний посессор выражаются одинаково, возникает проблема их разграничения. Такая ситуация характерна для уральских (см. [Nikolaeva 2002]) и тюркских (см. [Сай 2011] о башкирском) языков.

Мы рассмотрим эту проблему на материале мокшанского языка (уральская семья, финно-угорская группа) и ограничим наше рассмотрение конструкцией, кодирующей отношения с референтным посессором. В прямых падежах это конструкция с двойным маркированием (1), где посессор оформлен генитивом определенного склонения (или неопределенного, если это имя собственное), а обладаемое обязательно несет на себе посессивный маркер. В косвенных падежах посессивный маркер факультативен (8) (двойное / зависимостное маркирование) [Плешак 2015].

- (1) *Van'ε-n' s'εstra-c*
Ваня-GEN сестра-3SG.POSS.SG
'сестра Вани'

1. С целью определить, в каких случаях посессор и обладаемое образуют одну составляющую, а в каких нет, мы провели ряд синтаксических тестов (А–Г).

¹ Исследование поддержано грантами:
РГНФ 15-04-18038 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков»

РФФИ 13-06-00884 А «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках».

А. Посессор и обладаемое могут быть разделены глаголом (2), что является главным аргументом в пользу того, чтобы не считать их одной составляющей.

- (2) ^{OK}*Pet'ε* *Vas'ε-n'* *n'ej-əz'ə*
 Петя Вася-GEN видеть-PST.3SG.S.3SG.O
d'ed'a-nc
 мать-3SG.POSS.SG.GEN
 'Петя видел Васину маму'.

Б. Обладаемое не может быть заменено личным местоимением (3) (см. тест на проформу [Тестелец 2001]), что говорит скорее в пользу единой ИГ.

- (3) **van-k,* *vas'ε-n'* *son*
 смотреть-IMP.3SG.O.SG.S Вася-GEN он
ver' *potmə-sə*
 кровь внутри-IN
 {Почему люди часто ранят пальцы?} 'Посмотри, у Васи он
 весь в крови!'

В. Сочинение с прилагательными недопустимо (4), следовательно, как минимум, посессор находится не на том же синтаксическом уровне, что прилагательные:

- (4) **jomla* *i* *s'ora-n'ε-t'*
 маленький и юноша-DIM-DEF.SG.GEN
sur-əc
 палец-3SG.POSS.SG
 'маленький и мальчика палец'

Г. Квантор, в сферу которого входит обладаемое, может стоять как правее, так и левее посессора (5), последнее говорит в пользу единой ИГ:

- (5) ^{OK}*s'embə* *vas'ε-n'* *s'estra-nzə* *uže*
 все Вася-GEN сестра-3SG.POSS.PL уже
jaka-ŋt' *škola-v*
 ходить-NPST.3PL школа-LAT
 'Все Васины сестры уже ходят в школу'.

2. Результаты синтаксических тестов мы сопоставили с семантическими типологическими обобщениями из [König, Haspelmath 1998]: вопреки ожиданиям, что более одушевленный посессор будет скорее являться внешним, а неодушевленный внутренним, мы не нашли такой корреляции. Наравне с одушевленными свойства внешнего проявляют и неодушевленные посессоры (6).

- (6) *t'ε s'oks'ə-t' mon kel'g-sa*
 этот осень-DEF.SG.GEN я любить-NPST.3SG.O.1SG.S
jarmanka-nc
 ярмарка-3SG.POSS.SG.GEN
 'Мне нравится ярмарка этой осени'.

Все же и для мокшанского есть семантические ограничения: при конкуренции обладаемых разрыв ИГ невозможен (7).

- (7) *vas'ε-n' sotn-əz'ə*
 Вася-GEN перевязать-PST.3SG.S.3SG.O
s'estra-c sur-ənc
 сестра-3SG.POSS.SG палец-3SG.POSS.SG.GEN
 'Васин палец перевязала сестра (чьа угодно)'.
 *'Васина сестра перевязала его палец (чей угодно, но не свой)'.

3. Еще одним критерием, способным различать внешний и внутренний посессор, является обязательность посессивного маркера на обладаемом [Nikolaeva 2002]. При не маркированном посессивностью обладаемом разрыв ИГ невозможен (ср. (8a) и (8b)).

- (8) a. *vas'ε-n' pr'a-s / ^{OK}pr'a-zə-nzə*
 Вася-GEN голова-ILL голова-ILL-3SG.POSS
pra-s' lopa
 падать-PST.3SG лист
- b. *vas'ε-n' pra-s' / ^{OK}pr'a-zə-nzə /*
 Вася-GEN падать-PST3SG голова-ILL-3SG.POSS
 **pr'a-s lopa*
 голова-ILL лист
 'На Васину голову упал лист'.

Выводы

1) Внешний посессор возможен только при наличии посессивного маркера на обладаемом.

2) Посессор не может быть внешним в случае определенной конкуренции обладаемых.

3) Посессор в конструкции с двойным маркированием не сочиняется с другими зависимыми в ИГ, но обладаемое может быть прономинализовано и оно свободно разделяется глаголом, что позволяет говорить о возможности экстернализации посессора в этом случае.

Список условных сокращений

DEF — определенность; DIM — диминутив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; LAT — латив; NPST — непрошедшее время; O — объект; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PST — прошедшее время; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

- Плешак 2015 — П. С. Плешак. Иерархия одушевленности и выбор посессивной конструкции в мокшанском языке // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. М.: МГУ им. М. А. Шолохова, 2015. С. 146–164.
- Сай 2011 — С. С. Сай. Группа обладателя в башкирском языке: присловная зависимость или детерминант? // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова, г. Уфа, 17–19 ноября 2011. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 238–244.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001.
- König, Haspelmath 1998 — E. König, M. Haspelmath. Les constructions à possesseur externe dans les langues de l'Europe // J. Feuillet (ed.). Actance et valence dans les langues d'Europe. Berlin — New York : Mouton de Gruyter, 1998. P. 525–606.
- Nikolaeva 2002 — I. Nikolaeva. The Hungarian external possessor in a European perspective // R. Blokland, C. Hasselblatt (eds.). Finno-Ugrians and Indo-Europeans, Linguistic and Literary Contacts. Maastricht: Shaker Publishing, 2002. P. 272–285.

М. Ю. Привизенцева

МГУ, Москва

ДВОЙНОЕ ПАДЕЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Данная работа посвящена исследованию двойного падежного маркирования в мокшанском языке. Это явление заключается в наличии двух или более падежных маркеров внутри одного фонетического слова [Noonan 2008]:

- (1) *mon maks-ən' plašč zon't'ik-ftəmә-t'i*
я дать-PST.1SG плащ зонтик-CAR-DEF.SG.DAT
'Я дал плащ тому, у кого нет зонта'.

В примере (1) имя *zon't'ik* оформлено одновременно двумя падежами: каритивом и дативом. Второй падеж, в данном случае — датив, отражает синтаксическую функцию эллидированной вершины; референтом именной группы является человек, а не зонтик.

Это явление в мокшанском языке принято описывать как «вторичное склонение» [Коляденков, Заводова (ред.) 1962]. В предшествующей литературе указывается, что первым падежом могут быть инессив, элатив, каритив и компаратив неопределенного склонения; в качестве второго падежа используются падежи определенного склонения — номинатив, генитив и датив — а также неопределенный генитив [Namatgı 2015].

В исследуемом диалекте² было обнаружено, что инессив не может выступать как падеж «первого уровня» при двойном

¹ Сбор материала был проведен при поддержке гранта РГНФ 15-04-18038 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков»; дальнейшая обработка полученных данных была проведена при поддержке гранта РФФИ 13-06-00884 А «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках».

² Данные, рассматриваемые в тезисах, были собраны в селах Лесное Цибаво и Лесное Ардашево Темниковского района.

падежном маркировании. Как показывает пример (2), инессив заменяется на другой локативный падеж — элатив. Такая замена невозможна в других случаях, ср. (3).

- (2) **mandə-n'a-sə-s'* / *mandə-n'a-stə-s'*
 палка-DIM-IN-DEF.SG.NOM палка-DIM-EL-DEF.SG.NOM
mol'-i *ulc'a-va*
 идти-PST.3SG улица-PROL
 'Тот, кто с палкой, идет по улице'.

- (3) *s'ε kona mandə-n'a-sə* / **mandə-n'a-stə*
 тот который палка-DIM-IN палка-DIM-EL
 'тот, кто с палкой'

Таким образом, при двойном падежном маркировании возникает падежная конфигурация, недоступная в обычных условиях.

Один из наиболее важных вопросов, обсуждаемых в связи с двойным падежным маркированием в мокшанском, заключается в том, что именно позволяет падежам «наслаиваться». В [Евсевьев 1963; Коляденков, Заводова (ред.) 1962] это объясняется дери-вационным статусом первого показателя. Однако «первый слой» имени может быть модифицирован различными зависимыми, ср. пример (4). Атрибуивное зависимое (*sas'ədn'ej*) и генитивное (*pet'ε-n'*) описывают дом, то есть относятся к падежу «первого уровня», а второй падеж оказывается незатронутым. Эти данные не позволяют рассматривать первый падеж как словообразовательный показатель.

- (4) *mon n'ej-sa* *sas'ədn'ej* / *pet'ε-n'*
 я видеть-NPST.3.O.1SG.S соседний Петя-GEN
kuctə-nzə-t'
 дом.EL-3SG.POSS-DEF.SG.GEN
 'Я видела того, кто в соседнем / Петиндом доме'.

При этом не все типы зависимых ведут себя одинаково. Более тяжелые модификаторы, такие как финитное относительное предложение и причастие с зависимыми не могут относиться к уровню первого падежа. Они определяют только имя целиком.

- (5) *oš-stə-s' kona-n' af kunarə
 город-EL-DEF.SG.NOM который-GEN NEG давно
 stroj-əz' vixodnoj-n'ə-n'd'i sa-s'
 стоять-PST.3.O.3PL.S выходной-DEF.PL-DAT ехать-PST.3SG
 vel'-i
 деревня-LAT
 'Тот, кто из города, который недавно построили, приехал
 на выходные в деревню'.
- (6) oš-stə-s' kona-c af kunarə
 город-EL-DEF.SG.NOM который-3SG.POSS.SG NEG давно
 s'er'ec' vixodnoj-n'ə-n'd'i sa-s'
 болеть.PST.3SG выходной-DEF.PL-DAT ехать-PST.3SG
 vel'-i
 деревня-LAT
 'Тот, кто из города, кто недавно болел, приехал на выходные
 в деревню'.

Таким образом, первый падеж, хоть и не является словообразовательным, однако не обладает полным набором проекций, стандартных для именной группы в мокшанском языке.

В докладе планируется более подробно рассмотреть различные типы зависимых и их взаимодействие с маркированным несколькими падежами именем, обсудить позицию диминутивного показателя, а также общие характеристики падежей «первого уровня».

Список условных сокращений

CAR — каритив; DAT — датив; DEF — определенность; DIM — диминутив; EL — элатив; GEN — генитив; IN — инессив; LAT — латив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; O — объект; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PST — прошедшее время; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

Евсевьев 1963 — М. Е. Евсевьев. Избранные труды. Т. 4. Основы мордовской грамматики. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963.

- Коляденков, Заводова (ред.) 1962 — М. Н. Коляденков, Р. А. Заводова (ред.).
Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1.
Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962.
- Hamari 2015 — A. Hamari. Genitive and the secondary declension of the Mordvin languages – a syntactic perspective. Presentation on XII International Congress for Finno-Ugric Studies. Oulu, August 17–21, 2015.
- Noonan 2008 — M. Noonan. Case compounding in the Bodic languages // G. Corbett, M. Noonan (eds.). Case and Grammatical Relations. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 127–147.

Е. А. Ренковская, А. С. Крылова
ИВГИ РГГУ, ИВКА РГГУ, Москва

ПРОХИБИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКЕ КУЛЛУИ

Данная работа посвящена не исследованным ранее прохибитивным конструкциям в языке куллуи¹ и основана на полевых материалах, собранных во время лингвистической экспедиции в д. Наггар (штат Химачал Прадеш, Индия) в ноябре-декабре 2014 года².

В большинстве индийских языков прохибитивные конструкции представляют собой сочетание прохибитивной частицы и императивной формы глагола, составляя, таким образом, парную отрицательную конструкцию для каждого императива, имеющегося в данном языке. Во многих западных и центральных индоарийских языках (хинди, панджаби, синдхи, гуджарати) в том или ином виде сохранилась санскритская прохибитивная частица *mā* (ср. хинди *mat*), в других языках нет специальных прохибитивных частиц, в их роли выступают негативные частицы (см. [Masica 1993]). В языке куллуи в ходе полевой работы были зафиксированы прохибитивные конструкции, которые интересны с типологической точки зрения тем, что:

– представляют собой сочетания прохибитивной частицы и имперфектного причастия, согласуемого с субъектом в роде и числе.

– образуются при помощи прохибитивных частиц — *mət* и *heri*. Частица *mət*, родственная скр. *mā* и хинди *mat*, в куллуи

¹ Язык куллуи относится к северной подгруппе индоарийских языков, западной группе языков пахари. Ареал распространения — округ Куллу, Химачал-Прадеш, Индия.

² Экспедиция проводилась при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований в рамках проекта А-12 «Документирование языка куллуи (западный пахари)» (2014–2015 гг.).

получила переосмысление как императивная форма от несуществующего запретительного глагола ***mɔtnā* и реализуется в пяти формах: *mɔt* (IMP 2SG) / *mɔta=mɔtat* (IMP 2PL) / *mɔti* (IMP.FUT 2SG) / *mɔtit* (IMP.FUT 2PL), представляя все возможные случаи императивных форм (а именно формы нейтрального и будущего императивов) и согласуясь с субъектом по числу. Частица *heri* интересна тем, что она образована путем грамматикализации формы императива будущего времени от глагола *hernā* ‘смотреть’³ и также согласуется с субъектом по числу — *heri* (2SG) / *herit* (2PL).

Таким образом, с семантической точки зрения, в языке куллуи можно выделить три прохибитивных конструкции: собственно прохибитивную (с частицами *mɔt* (2SG) / *mɔta=mɔtat* (2PL)) и две превентивные (с частицами *mɔti* (2SG) / *mɔtit* (2PL) и *heri* (2SG) / *herit* (2PL)), ср.:

- (1) *hoth-a senge keppe mɔt tsun-d-i*
 губа-OBL COMIT чашка NEG.IMP.SG трогать-IMPF.PART-F.SG
tot-ā sā
 горячий-М быть.PRS.3SG
 ‘Не трогай губами чашку, горячая’.
- (2) *ʃhru-o brālī be tang*
 ребенок-VOC.PL кошка ACC/DAT обеспокоенный
mɔta ker-d-e
 NEG.IMP.PL делать-IMPF.PART-M.PL
 ‘Дети, не мучайте кошку’.
- (3) *bɔn-a be kele mɔti*
 лес-OBL ACC/DAT в одиночку NEG.IMP
jān-d-ā
 ходить-IMPF.PART-M.SG
 ‘Не ходи в лес один’.

³ Образование прохибитивных конструкций с участием глаголов восприятия, в частности зрения, отмечается во многих типологических исследованиях. Согласно [Гусев 2005] «глагол ‘смотреть’ является одним из наиболее типичных источников превентивных показателей». Ср. также междометие *her* в непали со значением ‘эй’, ‘берегись’, развившееся из формы императива от глагола *hernu* ‘смотреть’.

- (4) *ei sahi kadī heri ker-d-ā*
он.OBL COMPAR когда NEG.IMP.SG делать-IMPF.PART-M.SG
‘Никогда не делай, как он’.
- (5) *tei-be mer-ε bāreṇε das-d-ε*
он-DAT я.GEN-OBL о говорить-IMPF.PART-PL
herit
NEG.IMP.PL
‘Не говорите ему обо мне’.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC/DAT — аккузативно-дательный послелог; COMIT — комитативный послелог; COMPAR — сравнительный послелог; DAT — дательный послелог; F — женский род; GEN — генитивная форма; IMP — императив; IMP.FUT — императив будущего времени; IMPF.PART — имперфективное причастие; M — мужской род; NEG.IMP — прохибитивная частица; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; PRS — настоящее время; SG — единственное число; VOC.PL — вокатив множественного числа.

Литература

- Гусев 2005 — В. Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. Институт языкознания РАН, М., 2005.
- Masica 1993 — С. Р. Masica. The Indo-Aryan Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

М. А. Сидорова

МГУ, Москва

ЧИСЛО В МОКШАНСКИХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ¹

В настоящей работе рассматривается числовое маркирование существительного в количественных конструкциях и глагола на материале мокшанского языка. В мокшанском языке наблюдается вариативность числового маркирования как существительного, так и согласующегося с ним глагола.

1. В зависимости от некоторых морфосинтаксических свойств числительные образуют классы: так, во многих языках проводится различие между «большими» и «малыми» числительными, см. [Гращенков 2002]. В мокшанском языке на выбор числовой формы существительного влияет числительное, что позволяет говорить о существовании классов малых и больших числительных в мокшанском языке. В [Шматова 2013] отмечено, что «[с]огласно [ГМЯ 1962], при числительных от двух до десяти существительное обычно употребляется в форме множественного числа, тогда как остальные числительные, начиная с одиннадцати, требуют употребления существительного в единственном числе». Последние образуют класс больших числительных, первые включают в себя класс малых.

В настоящей работе было обнаружено, что при *kemən* '10' большинство информантов предпочитает множественное число, но часто разрешается и единственное, то есть, оно обладает свойствами обоих классов, см. (1)–(2).

¹ Исследование поддержано грантами:

РГНФ 15-04-18038 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков»;

РФФИ 13-06-00884 А «Исследование морфосинаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках».

- (1) *vejksə vas'ε-n' kn'iganzə* / **kn'igac*
 девять Вася-GEN книга.3SG.POSS.PL книга.3SG.POSS.SG
ašč-ij-t' morkš lank-sə
 находиться-NPST.3-PL стол на-IN
 'Девять Васиных книг лежат на столе'.
- (2) *kemən' vas'ε-n'*
 десять Вася-GEN
kn'iganzə / *?kn'igac*
 книга.3SG.POSS.PL книга.3SG.POSS.SG
ašč-ij-t' morkš lank-sə
 находиться-NPST.3-PL стол на-IN
 'Десять Васиных книг лежат на столе'.

Согласно [Майтинская 1979], числительное '10' в финно-угорских языках является сравнительно новым: оно появилось уже после того, как '8' и '9' были образованы от старого названия десятки. Вероятнее всего, это бывшее существительное, грамматикализовавшееся в числительное. На синхронном уровне у него также отмечаются свойства существительного: например, образование множественного числа (в отличие, скажем, от '4'), и его поведение может быть связано с наличием этих свойств.

2. Особым образом себя ведут конструкции, содержащие числительное со значением приблизительности. Приблизительность в мокшанском может выражаться морфологически с помощью показателя компаратива *-ška*. Такие числительные требуют единственного числа существительного, см. (3)–(4):

- (3) a. *son'-d'ejə-nzə* *sa-s'-t'* /
 он.OBL-PRON.DAT-3SG.POSS прийти-PST.3-PL
^{OK}*sa-s'-∅ kolmə učen'ik-t*
 прийти-PST.3-SG три ученик-PL
- b. **son'-d'ejə-nzə* *sa-s'-∅* /
 он.OBL-PRON.DAT-3SG.POSS прийти-PST.3-SG
sa-s'-t' kolmə učen'ik
 прийти-PST.3-PL три ученик
 'К нему пришли три ученика'.

(4) a. *son'-d'eja-nzə* *sa-s'-t'* /
 он.OBL-PRON.DAT-3SG.POSS прийти-PST.3-PL
^{OK}*sa-s'-∅* *kolmə-ška* *učen'ik*
 прийти-PST.3-SG три-СМРР ученик

b. **son'-d'eja-nzə* *sa-s'-t'* /
 он.OBL-PRON.DAT-3SG.POSS прийти-PST.3-PL
sa-s'-∅ *kolmə-ška* *učen'ik-t*
 прийти-PST.3-SG три-СМРР ученик-PL
 'К нему пришли примерно три ученика'.

3. Маркирование существительного зависит от способа его оформления. В определенном склонении [Шматова 2013] есть тенденция к употреблению существительного во множественном числе даже при больших числительных, см. (5а). В посессивном склонении также разрешается множественное число существительного при больших числительных, см. (6).

(5) a. *t'eja-nzə* ^{OK}*sa-s'-t'* / ^{??}*sa-s'-∅*
 PRON.DAT-3SG.POSS прийти-PST.3-PL прийти-PST.3-SG
kivet'ijə *kn'iga-t'n'ə*
 пятнадцать книга-DEF.PL

b. *t'eja-nzə* ^{OK}*sa-s'-t'* / ^{??}*sa-s'-∅*
 PRON.DAT-3SG.POSS прийти-PST.3-PL прийти-PST.3-SG
kivet'ijə *kn'iga-s'*
 пятнадцать книга-DEF.SG
 'Ему пришло пятнадцать книг'.

(6) a. *t'išə-t'* *lank-sə* *jaka-j-t'* /
 трава-DEF.SG.GEN на-IN ходить-NPST.3-PL
^{*}*jaka-j-∅* *mon' koms' traks-n'ə*
 ходить-NPST.3-SG я.OBL двадцать корова-1SG.POSS.PL

b. *t'išə-t'* *lank-sə* *jaka-j-∅* /
 трава-DEF.SG.GEN на-IN ходить-NPST.3-SG
^{OK}*jaka-j-t'* *mon' koms' traks-əz'ə*
 ходить-NPST.3-PL я.OBL двадцать корова-1SG.POSS.SG
 'На траве ходят двадцать коров'.

4. Особого внимания заслуживают существительные, обозначающие единицы измерения (процент, гектар, литр и т. д.). В определенном склонении при больших числительных они, как правило, маркируются единственным числом. Нами был выполнен поиск по корпусу газетных текстов «Мокшень правда», ниже приведено количество вхождений. Как видно из таблицы, единицы измерения более склонны маркироваться единственным числом, чем любые другие существительные.

Таблица 1. Маркирование существительного в определенном склонении

	Единица измерения	Прочие существительные
SG (-s')	78	47
PL (-(t')n'ə)	3	15

Примечание. Вероятно, малое число вхождений существительных во множественном числе при больших числительных обусловлено литературностью языка «Мокшень правды».

5. Согласование глагола также зависит от склонения существительного. Есть тенденция употреблять глагол во множественном числе при существительных в определенном склонении, см. (5б), а также тенденция к согласованию глагола с существительным по числу в посессивном склонении, см. (6). В ходе исследования было отмечено, что в основном склонении выбор числа глагола связан с его агентивностью и с одушевленностью существительного: менее агентивные глаголы и глаголы в конструкциях с существительными, не реферирующими к человеку, в большей степени склонны согласовываться по числу с существительным. Стоит отметить, что в конструкциях с числительными со значением приблизительности при малых числительных сохраняется множественное число глагола.

В [Шматова 2013] отмечается, что при наличии препозитивных зависимых у существительного в конструкциях с большими числительными есть тенденция к маркированию существительного множественным числом. В данной работе обнаружилось, что та же тенденция есть и у глагола (то есть разрешаются все четыре способа согласования).

Список условных сокращений

CMPR — компаратив (падеж); DAT — датив; DEF — определенность; GEN — генитив; IN — инессив; NPST — непростое время; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — possessивный показатель; PRON — основа личных местоимений; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Гращенков 2002 — П. В. Гращенков. Родительный падеж при русских числительных: типологическое решение одной «сугубо внутренней» проблемы // Вопросы языкознания 3, 2002. С. 74–119.
- Майтинская 1979 — К. Е. Майтинская. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.
- Шматова 2013 — М. С. Шматова. Количественные конструкции в мордовских языках: числовое маркирование существительных. Тезисы на конференцию «Типология морфосинтаксических параметров», Москва, 16–18 октября 2013 г.
- Corbett 2006 — G. G. Corbett. Agreement. Cambridge: CUP, 2006.

А. С. Сметина

СПбГУ, Санкт-Петербург

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
В РОЛИ ПРЕДИКАТА НЕЗАВИСИМОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
глагол и причастие**

Исследование фокусируется на глагольных формах нанайского языка, которые невозможно противопоставить по принципу финитности, — причастию и глаголу, способных выступать в роли сказуемого независимого предложения:

- (1) *ʒəp-du-i* *gələ-j-si?* — *gəl-əm*
есть-DAT-P.REFL.SG искать-NPST-P.2SG искать-ASSERT.NPST
'— Кушать хочешь (просишь)? — Хочу'.

В докладе обсуждаются факторы, которые оказывают значительное влияние на выбор между употреблением:

- 1) формы причастия, употребленной предикативно (как *gələ-j-si* в (1))
- 2) формы глагола в утвердительном наклонении (как *gəl-əm* в (1)) (по терминологии, предложенной в [Аврорин 1961])

Нанайское причастие и глагол обладают схожим потенциалом в выражении предикативности (категории выделяются по [Тестелец 2001]). Так, категория времени может выражаться и глаголом, и причастием (при этом причастная форма может передавать значение относительного времени). Согласование по лицу и числу равнозначно используется как при глагольных, так и при причастных формах. Основное различие касается категории модальности, выражение которой присуще только глаголу: он функционирует в системе наклонений, придавая значению высказывания субъективный оттенок. Лишенные такого оттенка причастия-предикаты встречаются в текстах частотнее глаголов, что закрепляет за ними статус основной финитной формы нанайского языка.

По предварительным гипотезам [Аврорин 1948; Аврорин 1961; Калинина 2001] в выборе между нанайскими глагольными формами могут быть значимы факторы:

- распределение по лицам (приверженность глагола к согласованию с 1 и 2 лицами)
- категория времени (трехчастная система для глагола и двухчастная для причастия; способность причастия передавать относительное время)
- оттенок субъективной оценки (отсутствующий у причастий)

Для выявления условий их употребления финитные формы были подвергнуты анализу. Материалом для работы послужила выборка примеров (94) из текстов, собранных в 1930–1940 гг. В. А. Аврориным и в 2007–2013 гг. С. Оскольской, Н. Стойновой и К. Крапивиной. В выборку вошли тексты, содержащие глаголы в утвердительном наклонении (27 из 45). В целом, было зафиксировано 93 формы глагола.

Также были отобраны и размечены, наряду с глагольными, причастные формы (218) из одного крупного текста (236 фраз) с наибольшим по выборке содержанием глаголов утвердительного наклонения (10).

В частности, при работе учитывались следующие характеристики формы:

- лицо
- время
- режим (речевой / повествовательный); соотношение с моментом речи
- модальность, выраженная вне формы

Исследование подтвердило, что некоторые характеристики оказывают действенное влияние на выбор между формами-предикатами. Наивысшая корреляция обнаруживается на уровне согласования по лицу: причастия часто занимают положение при субъектах в 3 лице, глаголы — в 1 и 2 лицах. Показательна и связь глагольных форм с дейктическим режимом — выражением абсолютного времени, причастных — с повествовательным режимом. Количественные результаты по этим параметрам предложены в Таблицах 1 и 2.

При обращении к исключительно внешним средствам выражения субъективной оценки говорящего не удастся сделать вывод о степени оттенка утвердительности, заложенного предполагаемым наклоном в глагольную форму. Попытка воспользоваться внешними средствами выражения модальности приводит к признанию необходимости ее глубинного анализа.

Таблица 1. Статистика по выборке примеров с глаголами

Фактор	Варианты	Доля среди глаголов; 100 % (79)
время	настоящее	46,8 % (37)
	прошедшее	15,2 % (12)
	будущее	38 % (30)
режим	речевой	78,5 % (62)
	повествовательный	21,5 % (17)
лицо	1	58,2 % (46)
	2	19 % (15)
	3	22,8 % (18)

Таблица 2. Статистика по тексту с наибольшим содержанием глаголов

Фактор	Варианты	Причастия 95,4 % (218)	Глаголы 4,6 % (10)
время	настоящее	43,1 % (94)	70 % (7)
	прошедшее	46,8 % (102)	10% (1)
	давнепрошедшее	10,1 % (22)	–
	будущее	–	20 % (2)
режим	речевой	14,2 % (31)	90 % (9)
	повествовательный	85,8 % (187)	10 % (1)
лицо	1	4,1 % (9)	60 % (6)
	2	1,4 % (3)	30 % (3)
	3	94,5 % (206)	10 % (1)

Список условных сокращений

1SG — ‘я’; ASSERT.NPST — утвердительное наклонение глагола; DAT — дательный падеж; NPST — настоящее-будущее время причастия; OBL — винительный/косвенный падеж; P.2SG — ‘твой’; P.REFL.SG — возвратная частица.

Литература

- Аврорин 1948 — В. А. Аврорин. О категориях времени и вида в нанайском языке // Язык и мышление 11. М. — Л.: АН СССР, 1948. С. 29–55.
- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. II. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М. — Л.: АН СССР, 1961.
- Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Н. М. Стойнова
ИРЯ РАН, Москва

ПОКАЗАТЕЛИ «ДВИЖЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ»: суффикс *-nda / -ndə* в нанайском языке

В нанайском языке (как и в других тунгусо-маньчжурских) есть глагольный суффикс *-nda / -ndə* со значением 'пойти сделать'. Он интересен уже тем, что значение «движение с целью», как кажется, нечасто выражается в языке морфологически и соответствующие маркеры не подвергались последовательному типологическому исследованию¹.

Нанайский суффикс *-nda / -ndə* этимологически связан с глаголом *əndə* 'идти' (см. [Суник 1962: 126]), но на синхронном уровне представляет собой полноценный аффикс². Интересно проследить, насколько показатель такой степени морфологизации сохраняет а) семантико-синтаксическую автономность (в частности, имеет ли смысл считать, что оформляемый им глагол вводит две ситуации или одну) и б) конкретность значения, характерную для независимого глагола движения, — вопросы, аналогичные тем, которые возникают, например, при анализе морфологических каузативов.

В работе в связи с этим будут рассмотрены следующие параметры.

1) Аргументная структура и интерпретация адвербиалов: демонстрирует ли глагол на *-ndə* синтаксические свойства, характерные для исходного глагола и / или для глагола движения. Так, в (1)

¹ Ср., тем не менее, краткое упоминание показателей такого рода в типологической работе по целевым конструкциям [Schmidtke-Boede 2009: 179], описания грамматикализованных конструкций «motion-cum-purpose» в языках Центральной Америки в [Aissen 1994; Zavala Maldonado 2000], аффиксов вентива / андатива в языках Африки [Плунгян 2003] и в самодийских [Стенин 2013].

² Причем линейно он располагается в словоформе ближе к корню, чем аспектуальные показатели, см. [Оскольская 2014].

мы видим дополнение *sin-čī* ‘к тебе’, как при глаголе движения (но не *xupi-* ‘играть’), а в (2) — дополнение *sogdata* ‘рыбу’, как при глаголе *waa-* ‘убивать’:

- (1) *gaki, sin-čī xupi-nda-xəm-bi*
ворона ты-DIR играть-PURP-PST-1SG
‘Ворона, я пришла к тебе поиграть!’
- (2) *a ame-n'=tani sogdata waa-nda-m' ənə-j-ni*
а отец-3SG=а рыба убить-PURP-CVB.SIM идти-NPST-3SG
‘А отец идет рыбу ловить’.

2) Независимое употребление vs. употребление в плеонастической конструкции с глаголом движения. Глагол на *-nda* может употребляться не только независимо, как в (1), но и в составе семантически эквивалентной деепричастной конструкции с выраженным глаголом движения, как в (2) — букв. *рыбу идя ловить, идет*. При тотальной экспансии этой «двойной» конструкции можно, видимо, было бы говорить об утрате показателем *-nda* его исходного значения и эволюции его в чисто целевой показатель, ограниченный глаголами движения³. До этой стадии *-nda* на синхронном уровне не доходит, однако в выборке текстовых примеров плеонастические его употребления составляют целых 39 % (20 употр.).

3) Взаимодействие с другими показателями. Так, две интерпретации — при одном и том же линейном порядке показателей — может давать глагол с аффиксом *-nda* и рефактивным *-go* (‘опять, обратно, в исходное состояние’), ср. (3) и (4):

- (3) *kaa mapa kaanto-i ičə-nda-gu-mi*
Ка старик ловушка-REFL.SG смотреть-PURP-REP-CVB.SIM
ənə-xə-ni
идти-PST-3SG
‘Старик Каа, как обычно, пошел смотреть ловушку’. — REP [PURP(V)]: как обычно (=опять) [пошел смотреть]

³ Ср. подобную интерпретацию в грамматике [Аврорин 1961], где *-nda* неслучайно назван «породой цели».

- (4) *totara mapa soleka-wa galə-ndə-gu-mi*
 потом медведь лисица-ACC искать-PURP-REP-CVB.SIM
ənə-psij-ki-ni
 идти-INCH-PST-3SG
 ‘Тогда медведь пошел разыскивать лисичку (которая его обманула)’. — PURP [REP(V)]: (‘пошел [искать потерянное (= снова искать)]’)

4) Круг ситуаций движения, соотносимых с глаголом на *-ndə*, степень абстрактности значения. Показатель *-ndə*, будучи диахронически соотносим с глаголом *ənə*- (‘идти, уходить’), сохраняет в большинстве употреблений сходную с ним андативную (центробежную) интерпретацию: ‘пойти, отправиться (отсюда) сделать что-то’ (как в (2)–(4)). Встречаются, однако, и употребления, скорее интерпретируемые центростремительно ‘прийти сделать что-то’ (как в (1)). Более наглядно то же можно проследить по употреблениям в плеонастической конструкции с глаголом движения: в большинстве случаев это тот же глагол *ənə*- ‘идти’, однако встречается и глагол *ži*- ‘приходить’, а также другие глаголы движения, напр.: *too*- ‘отправляться’, *niə*- ‘выходить’.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; CVB — деепричастие; DIR — директив; INCH — инхоатив; NPST — непрошедшее время; PST — прошедшее время; PURP — показатель движения с целью; REFL — рефлексив; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. II. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
 Оскольская 2014 — С. А. Оскольская. Морфологические свойства аспектуальных показателей в нанайском языке // Проблемы языка: взгляд молодых ученых. М.: ИЯз РАН, Канцлер, 2014.
 Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М., 2003. С. 5–40.
 Стенин 2013 — И. А. Стенин. Андатив и вентив в ненецком языке (в типологическом освещении): глагольная ориентация vs. выражение

- цели. Доклад на конференции «Ломоносовские чтения», Москва, 2013.
- Суник 1962 — О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: морфологическая структура и система форм глагольного слова. М. — Л., 1962.
- Aissen 1994 — J. Aissen. Tzotzil auxiliaries // *Linguistics* 32, 4–5, 1994. P. 657–690.
- Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. *A Typology of Purpose Clauses*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Zavala Maldonado 2000 — R. Zavala Maldonado. Olutec motion verbs: Grammaticalization under Mayan contact // *Proceedings of the 26 Annual Meeting of the B.L.S.* Berkeley, CA, 2000. P. 139–151.

Н. М. Стойнова, С. А. Оскольская

ИРЯ РАН, Москва, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЭВОЛЮЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОТРИЦАНИЯ В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В нанайском языке (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток) есть конструкция с показателем *aba*, используемая в экзистенциальных ('не существует чего-то'), а также посессивных ('у кого-то нет чего-то') и локативных ('где-то нет чего-то') контекстах:

- (1) *ʒog-du* *uj=də* *aba*
дом-ESS кто=же NEG
'Дома никого нет'.

Место или Посессор оформляются эссивным падежом *-do*, см. (1), Субъект несуществования выступает без падежного маркера, слово *aba* может принимать посессивный показатель в зависимости от лица и числа Субъекта (*mii aba-i* 'меня нет', *sii aba-si* 'тебя нет').

Тот же показатель *aba* — в качестве факультативного или обязательного элемента — обнаруживается в составе некоторых типов стандартного отрицания (глагольного отрицания в декларативной клаузе).

Употребление *aba* в контекстах стандартного отрицания различается по диалектам. В бикинском диалекте *aba* (*ab*) может употребляться во всех таких контекстах плеонастически — наряду со специализированным показателем глагольного отрицания (см. [Сем 1976: 62–94]):

- (2) *xuə=də* *ab* *čik-si*
нары=же NEG помещаться-NPST.NEG
'На нарах не помещается!'

Эта ситуация вписывается в типологический сценарий эволюции показателей экзистенциального отрицания в показатели стандартного отрицания, предлагаемый Крофтом [Croft 1991] («цикл

Крофта»), как «промежуточная» стадия между системой со специализированным показателем стандартного отрицания и системой с экзистенциальным отрицанием в роли стандартного.

В амурских говорах показатель *aba* значительно менее интегрирован в систему стандартного отрицания: за пределами экзистенциальной конструкции он встречается только как компонент одной из аналитических отрицательных форм прошедшего времени. Форма состоит из деепричастия с эмфатической энклитикой =*da* и показателя *aba*, оформленного посессивным суффиксом в соответствии с лицом и числом Субъекта:

- (3) <...> *n'oani saa-mi=da aba-ni*
 он знать-CVB.SIM=же NEG-3SG
 '...он не осознавал (этого)'.

Можно предположить, что показатель *aba* возникает в ней не в рамках перестройки системы отрицания по Крофту (как в бикинском), а по иным причинам. Дело в том, что в нанайском языке существует очень близкая аналитическая конструкция без отрицания (в данном случае с референцией к настоящему): деепричастие + глагол *bi-* 'быть' в настоящем времени, см. [Авrorин 1981: 91]:

- (4) *mori-ni am boa-du oni kera-do-a-ni*
 лошадь-3SG один место-ESS река берег-ESS-OBL-3SG
ili-si-mia bi-i-ni
 стоять-IPFV-CVB.SIM быть-NPST-3SG
 {Потом увидел}: 'лошадь в одном месте на берегу реки стоит' (букв.: стоя есть).

Можно предположить, что описываемая форма возникает как «законный» отрицательный коррелят этой конструкции: букв. *кто-то делая есть* ('делает (в настоящий момент)') vs. *кого-то делая нет* ('не сделал'). Отдельного объяснения заслуживает мена видо-временной интерпретации, которая, впрочем, не кажется неправдоподобной (см. о взаимодействии отрицания с аспектом [Miestamo, Auwera 2011]). Такой сценарий возникновения отрицательной формы прошедшего времени с *aba* расширяет типологическую картину, представленную в [Croft 1991], и перекликается

со случаями использования экзистенциального отрицания в контексте стандартного за пределами цикла Крофта, описанными в [Veselinova 2014].

В докладе будет более подробно рассмотрено употребление экзистенциальной частицы *aba* в контекстах стандартного отрицания в бикинском и амурских говорах, будет обсуждаться, каким образом представленный материал встраивается или выходит за рамки цикла Крофта. Материал бикинского диалекта будет основываться на текстах, а материал найхинского говора — на текстах и данных элицитации. Будут приведены соображения о том, как именно возникает ситуация, наблюдаемая для каждого из диалектов, и о причинах междиалектных различий. Для этого будут, в частности, уточнены морфосинтаксические характеристики показателя *aba* в самой экзистенциальной конструкции: в бикинском диалекте он оказывается ближе к застывшей частице (что позволяет ему в этом статусе встроиться в конструкцию глагольного отрицания), а в амурских говорах проявляет свойства, не позволяющие однозначно установить его частеречную принадлежность.

Список условных сокращений

CVB — деепричастие; ESS — эссив; IPFV — имперфектив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенный падеж; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

- Аврорин 1981 — В. А. Аврорин. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981.
- Сем 1976 — Л. И. Сем. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский диалект. Л.: Наука, 1976.
- Croft 1991 — W. Croft. The evolution of negation // *Journal of Linguistics* 27, 1991. P. 1–39.
- Miestamo, van der Auwera 2011 — M. Miestamo, J. van der Auwera. Negation and perfective vs. imperfective aspect // J. Mortelmans et al. (eds.). *From Now to Eternity* [Cahiers Chronos 20]. Amsterdam — New York: Rodopi, 2011. P. 65–84.
- Veselinova 2014 — L. Veselinova. The negative existential cycle revisited // *Linguistics* 52, 6, 2014. P. 1327–1389.

Д. Б. Тискин

СПбГУ, Санкт-Петербург

КАЖДЫЙ МОЖЕТ И НЕ БЫТЬ ЛЕНИВЫМ

Резюме. Н. В. Ивлиева [Ивлиева 2011; Ivlieva 2011] показала, что в русском языке группа детерминатора *каждый* может быть доступна для анафоры даже при отсутствии связывания. Ивлиева приводит аргумент против анализа в терминах «исключительной» широкой сферы действия (exsertional wide scope, EWS). Мы продемонстрируем наличие двух типов чтений, на один из которых аргумент Ивлиевой не распространяется, и сопоставим последний тип с описанным на английском материале явлением «дальнодействия» (tele-scoring).

1. «Ленивое» *каждый*

В примерах Ивлиевой ИГ с квантором *каждый* могут быть antecedентами анафоры без связывания, подобно случаям «ослиной» анафоры [Geach 1962]:

- (1) *Если каждый_i будет заниматься своим делом, он_i принесет больше пользы.*
- (2) *Если бы каждый_i из них женился на одной из сестер, его_i брат стал бы его_i свояком.*

Пример (2) рассматривается в ситуации, когда есть два брата и две сестры. Для истинности (2) нужно, чтобы в брак вступили оба брата, так что отношение сфер действия « \forall > если» не дает верного чтения, а потому попытки анализировать (2) как случай EWS обречены.

2. Новые данные

В литературе и в речи Интернета, однако, можно отыскать примеры, столь же однозначно исключающие порядок «если > \forall », сколь (2) исключает « \forall > если».

- (3) *Как нам потом сказали члены жюри, если бы каждый из участников этого конкурса приехал сюда в другие годы — то он бы был безоговорочным победителем.*

Очевидно, что безоговорочных победителей не может быть столько, сколько в тот или иной год участников. Существенно, что любой участник текущего года победил бы ранее. Столь яркие примеры редки, но многочисленны те, где чтение « \forall > если» допустимо или предпочтительно.

Поскольку обнаруживаются и дальнейшие свидетельства в пользу существования чтения, указанного Ивлиевой, следует признать наличие обоих чтений.

3. Два чтения по Ивлиевой

Ивлиева различает у предложений типа (1) два чтения:

А: ‘если все займутся делом, все принесут пользу’

В: то же + ‘сколько людей займется делом, столько принесет пользу’

Ивлиева анализирует (А) с помощью контекстного индекса ситуации (resource situation) при *каждый*, а (В) с помощью локально связанных переменных по ситуациям. Обнаруженные нами выше чтения « \forall > если» эквивалентны типу (В) при условии, что область пробега квантора *каждый* в действительном мире и в мирах, вводимых условным оператором *если*, одна и та же. Механизм ситуаций (он сложнее механизма миров) тогда не требуется.

4. «Дальнодействие» и причинная связь

По Ивлиевой, анафора к *каждый* приемлема, когда условное предложение имеет семантику существенной связи (т. е. когда в консеквент можно добавить *тем самым*). Это роднит все примеры выше со случаями «дальнодействия» — анафоры к IG_{\forall} без связывания:

- (4) *Each_i degree candidate walked to the stage. He_i took his_i diploma from the Dean...*

Условием приемлемости для (4) называется «дискурсивная связность» [Roberts 1989], формализованная в [Keshet 2007] как вхождение обоих предложений в общую структуру (6) с квантификацией по событиям. Обычно выдвижение ИГ из антецедента запрещено (см., например, [Sauerland 2005]), но, как мы покажем, в русском языке *если* достаточно «прозрачно» для семантических операций, ср. (5).

- (5) *С удовольствием приму участие, если пригласите и если не поздно я написала.* [НКРЯ]
'если выполнены оба условия'
#'если выполнено хотя бы одно условие'

Разрешив выдвижение, (3) можно проанализировать как (7).

- (6) [each candidate] $\lambda x \exists e$ [walked(x) THEN_e took(x)]

- (7) ...[каждый участник] λx [приехал(x) \Rightarrow победитель(x)]

Литература

- Ивлиева 2011 — Н. В. Ивлиева. *Каждый* может быть ленивым // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII*, 3, 2011. С. 79–81.
- Geach 1962 — P. T. Geach. *Reference and Generality*. Ithaca — New York: Cornell University Press, 1962.
- Ivlieva 2011 — N. Ivlieva. Universal laziness of pronouns // *Semantics and Linguistic Typology* 20, 2011. P. 720–734.
- Keshet 2007 — E. Keshet. Telescoping and scope economy // C. B. Chang, H. J. Haynie (eds.). *Proceedings of the 26th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2007. P. 324–331.
- Roberts 1989 — C. Roberts. Modal subordination and pronominal anaphora in discourse // *Linguistics and Philosophy* 12, 6, 1989. P. 683–721.
- Sauerland 2005 — U. Sauerland. DP is not a scope island // *Linguistic Inquiry* 36, 2, 2005. P. 303–314.

М. Н. Усачева

МГУ, Москва

(НЕ)ОТЧУЖДАЕМОСТЬ В БЕСЕРМЯНСКОМ УДМУРТСКОМ КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В удмуртском языке выделяется категория (не)отчуждаемости [Едыгарова 2010], которая на морфологическом уровне выражается различием посессивных показателей во всех лицах единственного числа — *-э / -е, -эт / -ед, -эз / -ез* vs *-ы, -ыд, -ыз* [Алатырев 1983: 570] (бесермянские варианты *-â, -âd, -âz*). Она семантически мотивирована: в контекстах «отчуждаемости» неотчуждаемые существительные могут принимать «отчуждаемые» показатели. Удмуртские неотчуждаемые имена имеют и синтаксические особенности [Едыгарова 2010: 45–48]:

– они употребляются без посессивных показателей только тогда, когда имеют родовой референциальный статус или обладатель — говорящий;

– при них может не выражаться посессор;

– если посессор выражается, он примыкает к неотчуждаемому имени и не маркируется — генитивное оформление возможно, если посессор не является зависимым в группе, образуемой неотчуждаемым именем;

– в случае множественности посессоров неотчуждаемое имя, как правило, не маркируется показателем PL.

По исследованиям экспедиции в д. Шамардан Юкаменского р-на респ. Удмуртия в августе 2015 г., в бесермянском диалекте категория (не)отчуждаемости устроена иначе, чем в удмуртском языке в целом. Общие типологические особенности: неотчуждаемыми посессивными показателями оформляются слова из закрытого списка [Heine 1997: 197], новые заимствования присоединяют показатели отчуждаемости; маркеры неотчуждаемости архаичнее маркеров отчуждаемости [Nichols 1992: 117]. В отличие от удмуртского языка, где (не)отчуждаемость мотивирована семантически,

в бесермянском диалекте это лексическая категория. Одна и та же единица в «отчуждаемом» и «неотчуждаемом» значениях (напр., *nâl* ‘дочь’ и *nâl* ‘девушка’) принимает одни и те же посессивные показатели, а омонимы могут присоединять суффиксы разных серий. Показатели «неотчуждаемой» серии присоединяют все имена с косвенной основой *-k* или *-m*, вне зависимости от семантики. Прозрачной семантической мотивации для большинства бесермянских «неотчуждаемых» имен нет. В удмуртском языке неотчуждаемы «термины родства по нисходящей линии», а в бесермянском диалекте таких терминов всего 4: *nâl* ‘дочь’, *š'ur nâl* ‘падчерица’, *vân* ‘младший брат’, *warmaj* ‘тесть’. Группа «части и стороны неодушевленных предметов», выделяемая для удмуртского языка, в бесермянском должна выделяться на других основаниях: части предметов, не функционирующие как реляционные имена (например, *nâd* ‘рукоятка’), присоединяют суффиксы «отчуждаемости». Но некоторые семантические группы выделяются хорошо — например, «неконтролируемые внутренние состояния и неотъемлемые атрибуты» (*mâl* ‘настроение, состояние’, *n'âm* ‘имя’ и т. п.). Для бесермянского можно построить следующую иерархию лексических классов

(\longrightarrow — показатели неотчуждаемости,
 \longleftarrow — отчуждаемости):

состояния, неотъем. атрибуты > нек. термины родства > реляционные имена > части тела, кровь, абстр. понятия (время, количество),
плохо отделяемые части предметов (шелуха) > все остальные имена

По результатам исследования бесермянского корпуса (75 000 словоупотреблений), «неотчуждаемые» имена гораздо реже употребляются без посессивных показателей, чем «отчуждаемые». Остальные синтаксические особенности удмуртских «неотчуждаемых» единиц в бесермянском связаны с особенностями структуры именных групп (в том числе: групп с реляционными именами),

с другими семантическими характеристиками имен, с влиянием информационной структуры и референциального статуса ИГ и с особенностями имен вообще.

Литература

- Алатырев 1983 — В. И. Алатырев. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983. С. 561–591.
- Едыгарова 2010 — С. Едыгарова. Категория посессивности в удмуртском языке. Дисс. ... канд. филол. наук, Тарту. Рукопись, 2010.
- Heine 1997 — В. Heine. *Possession: Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Nichols 1992 — J. Nichols. *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago — London: University of Chicago Press, 1992.

М. Л. Федотов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**TO BE CONTINUED...: приключения
континуативного показателя в языке гбан¹**

В докладе будет рассмотрен необычный спектр употреблений «континуативного» показателя *lé* в языке гбан и его формальные свойства, а также представлены некоторые гипотезы, касающиеся его диахронического развития.

1. Факультативный предикативный показатель² *lé* <CTNV> имеет в гбан довольно широкий спектр употреблений (сам по себе либо в составе основанных на нем конструкций). Перечислим их и проиллюстрируем часть из них ниже:

а) фазовое значение **континуатива** (диахронически исходное?) — всегда в сочетании с граммемой имперфектива:

- (1) *è* *lé* *à* *klè*
3SG[...] CTNV он IPFV\писать
{Твой брат уже закончил письмо? — Нет,} ‘он его **все еще**
пишет’.

б) фазовое **кунктативное** значение (‘еще не’) — в составе специализированной конструкции с показателем отрицания:

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФНФ № 13-34-01015 «Глагольные системы языков манде в контексте типологических и ареальных исследований».

Гбан < южные манде < манде < нигер-конго; ~55 000; центральная часть Кот-д’Ивуара; далее используются полевые данные говора бовó.

² Предикативные показатели располагаются (в нескольких слотах) после ИГ подлежащего и перед ИГ прямого дополнения. Большая часть этих показателей («**обязательные**», «первичные») являются непременными и взаимоисключающими и образуют несколько парадигм — они выступают в левых пяти слотах комплекса. Еще несколько предикативных показателей («**факультативные**», «вторичные») располагаются в конце комплекса и являются менее морфологически связанными.

- (2) <...> èè-**kě** **lé** *mǔ* **yě** *lì?*
 2SG-IND.NEG\PST[...] CTNV человек IPFV\получать Q
 {Я спросил его:} ‘Ты **еще не** нашел человека [для работы]?’

в) аспектуальное значение **прогрессива**:

- (3) <...> *Sǎkù* *é* **lé** *wà*
 Соку 3SG\PST[...] CTNV IPFV.HOD (вспом. глаг.)
yì *zè*
 сон убивать[INF]
 {Только что, когда я заходил к нему} ‘Соку **спал**’.

- (4) <...> *yè-è* **lé-è**
 3SG-IPFV.HEST[...] CTNV-IPFV.HEST
fúǎ = nù *klè*
 бумага=PL IPFV\писать
 {А: Что твой брат сказал вчера, когда ты спросил, не слишком ли он занят? Б: Он сказал, что} ‘**пишет**[/писал] письма’.

(континуативная интерпретация в примерах также возможна)

г) значение **временного состояния** (т. н. «contingent state», ср. англ. *I'm living in London (for the time being)*):

- (5) *ì* **lé** *yèè* *Mà-bǎà* *nò* **tàtlé**
 2SG[...] CTNV IPFV\быть Ман-деревня здесь пока
 ‘**В данный момент / пока что** я живу в Мане’.

д) **экспериенциальное** значение — в составе специализированной конструкции:

- (6) *ě* **lé** *fúǎ* *né* *wò* **dò** *lì?*
 2SG\PST[...] CTNV бумага этот читать[PFV.HOD?] один Q
 ‘Ты **уже** читал [**когда-нибудь**] эту книгу?’

е) **вежливый** императив (‘Не могли бы Вы прийти?’) (NB: при этом **не** континуативный императив):

- (7) *bě* (**lé**) *sǐà* *né* *kǔ* *sě*
 2SG.IMP_POLIT[...] CTNV лампа этот хватать немного
 ‘Подержи[те] эту лампу немного [**пожалуйста**]’.

ж) значение ‘**все-таки**’ (ср. англ. *He still did it*):

- (8) *é* *Ié* *wǒ*
 3SG\PST[...] CTNV говорить\PFV.PREN
 ‘Он **все-таки** (по)говорил [хотя не должен был / ему мешали]’
 (пока зафиксирован только один такой пример).

2. Еще одна нетривиальная особенность показателя *Ié*“ связана с его **формальным** поведением.

При использовании его с конструкцией непрошедшего времени (ср. пример (1)) или конструкцией имперфектива сегодняшнего прошедшего (пример (3)) (в обеих конструкциях представлен нулевой аспектуальный предикативный показатель) не происходит ничего необычного: показатель *Ié*“ следует после обязательных предикативных показателей.

Однако при его использовании в составе конструкций имперфектива вчерашнего и предвчерашнего прошедшего (в которых выступают обязательные предикативные показатели *-è*<IPFV.HEST> или *-é*<IPFV.PREN>), происходит **дублирование** показателей *-è* и *-é* **после** показателя *Ié*“. Ср. пример (4) выше и следующий пример:

- (9) *yè-é* *Ié-é* *wǒ*
 3SG-IPFV.PREN[...] CTNV-IPFV.PREN IPFV\говорить
 {В этот момент позавчера} ‘он все еще говорил’.

Аналогичное дублирование происходит и в случае еще одного факультативного предикативного показателя — показателя следования *wǒ*<PSTR>:

- (10) *mì-é* *wǒ-é* *běá* *wǒ*
 1SG-IPFV.PREN[...] PSTR-IPFV.PREN работа IPFV\класть
 ‘Я собирался / должен был работать [позавчера]’.

При этом лично-числовые показатели (и какие-либо другие обязательные для финитной клаузы предикативные показатели) в этих случаях не дублируются, и трактовка структуры как содержащей две финитные клаузы оказывается невозможной.

Можно предположить, что на каком-то этапе в истории языка показатели *Ié*“ и *wǒ* были вспомогательными глаголами, вводившими после себя финитную клаузу со смысловым глаголом:

*[...*le*] [V] (в гбан существуют грамматические конструкции, в которых вспомогательный глагол вводит соположенную финитную клаузу без явного маркера подчинения). На этом этапе уже грамматикализовались как обязательные имперфективные показатели *-è* и *-é*, но еще не грамматикализовались лично-числовые показатели, поэтому предложение с семантикой имперфектива в прошедшем выглядело как * [...*e le*] [*e V*] (а не как ** [...*ye e le*] [*ye e V*], где *ye* — лично-числовой показатель (3 ед.)).

На следующем этапе произошла грамматикализация самих конструкций с показателями *lé* и *wò* — они уже не воспринимались как содержащие две финитных клаузы: * [...*e le e V*].

И только после этого произошло языковое изменение, сделавшее употребление лично-числовых показателей в финитной клаузе обязательным: * [...*ye e le e V*]. Это и дало наблюдаемое сейчас «дублирование» и современный порядок следования показателей: *yè - é lé - é V* <3SG-IPFV.HEST CTNV-IPFV.HEST V>.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CTNV — континуатив; HEST — вчерашнее прошедшее (hesternal); HOD — сегодняшнее прошедшее (hodiernal); IMP_POLIT — вежливый императив; IND — индикатив; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; NEG — отрицание; PFV — перфектив; PL — множественное число; PREH — предвчерашнее прошедшее (pre-hesternal); PST — прошедшее; PSTR — следование; Q — вопросительная частица; SG — единственное число.

М. А. Холодилова
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

КОНКУРЕНЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ 'КТО' И 'КОТОРЫЙ' В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Во многих славянских языках существуют в числе прочих релятивизаторы следующих двух типов:

- **'кто'**: слово, которое используется также как вопросительное местоимение со значением 'кто', или является морфологически производным от местоимения 'кто';
- **'который'**: слово, которое является наиболее частотным склоняемым релятивизатором и используется преимущественно в качестве относительного местоимения.

Данное противопоставление наблюдается по крайней мере в русском, украинском, белорусском, польском, чешском, словацком, словенском, верхнелужицком, нижнелужицком, хорватском и сербском языках и отсутствует в болгарском и македонском, где местоимение со значением 'кто' является основным релятивизатором, см., в частности, [Gołąb, Friedman 1972].

Многие особенности распределения данных местоимений в славянских языках описаны в [Křížková 1970] и могут быть обобщены в виде Таблицы 1. Как видно из таблицы, местоимение 'кто' тяготеет к контекстам, в которых отсутствует существительное в вершине, при этом данные контексты также не однородны и допускают местоимения 'кто' и 'который' не в равной мере.

Контексты, приведенные в таблице, не во всех случаях допускают упорядочение, однако по приведенным данным может быть построена по крайней мере следующая иерархия контекстов по предпочтительности в них вопросительных местоимений в славянских языках (1).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 14-06-31212 мол_а.

Таблица 1. Использование местоимений ‘кто’ и ‘который’ в зависимости от типа относительного предложения по данным [Křížková 1970]²

	корреля- тивы	относительные предложения, следующие за вершиной (по типу вершины)			
		кто-то, никто, каждый	тот	все, те	существи- тельное
русский	V/?O	V	V/O	V/O	?V/O
украинский	V	V	V/O	V/O	?V/O
белорусский	V	V	V/O	V/O	?V/O
польский	V	V	V/O	O	O
чешский	V	V	V/O	V/O	O
словацкий	V	V/O	V/O	O	O
словенский	V	O	V/O	O	O
верхне- лужицкий	V/O	O	V/O	O	O
нижне- лужицкий	V	?	?	O	O
сербо- хорватский	V/O	V/O	V/O	V/O	O

- (1) коррелятивы > ‘кто-то’, ‘никто’, ‘каждый’; ‘тот’ > ‘все’, ‘те’ > вершины с существительным

Наименее изученным представляется противопоставление в средней части иерархии: как видно из таблицы, вопросительное местоимение во многих языках оказывается менее допустимо при множественном числе вершины (‘те’, ‘все’) и более допустимо при единственном числе вершины (‘тот’, ‘каждый’).

Имеющиеся корпусные данные подтверждают данное обобщение для польского, словацкого и словенского, а также позволяют сделать следующие дополнения.

Во-первых, рассматриваемая тенденция наблюдается и в некоторых языках, допускающих использование обоих местоимений вне зависимости от числа. Так, например, в чешском языке

² В таблице V — «вопросительное» (‘кто’), O — «относительное» (‘который’) местоимение.

Конкуренция местоимений ‘кто’ и ‘который’

при вершинах во множественном числе местоимение ‘который’ встречается значительно чаще:

Таблица 2. Частотность местоимений ‘кто’ и ‘который’ при различных типах вершин в чешском языке (Intercorp)³

	‘кто’	‘который’	доля ‘кто’
‘тот’	91	9	0,9
‘все’	78	22	0,8
‘те’	54	46	0,5

Та же тенденция верна для русского языка XVIII в. (см. Таблицу 3), для украинского и хорватского языков.

Таблица 3. Частотность местоимений *кто* и *который* при различных типах вершин в русском языке XVIII в. (НКРЯ)⁴

	<i>кто</i>	<i>который</i>	доля <i>кто</i>
<i>тот</i>	206	83	0,71
<i>все</i>	3	7	0,30
<i>те</i>	6	161	0,04

Во-вторых, имеющиеся данные позволяют предположить, что местоимения ‘все’ и ‘те’ также образуют подиерархию: по крайней мере в чешском языке и в русском языке XVIII в. использование ‘кто’ более характерно для вершины ‘все’, чем для вершины ‘те’, см. данные в Таблицах 2–3. Таким образом, предположительная иерархия принимает вид (2) и отражает как данные о грамматической допустимости конструкций, так и количественные данные.

- (2) коррелятивы > ‘кто-то’, ‘никто’, ‘каждый’; ‘тот’ > ‘все’ > ‘те’ > вершины с существительным

Приведенные данные показывают, что различие между именными вершинами, в которых используются вопросительные и относительные местоимения, едва ли может быть описано в качестве

³ Различия между ‘тот’ и ‘все’, ‘все’ и ‘те’ статистически значимы, χ^2 , $P < 0,05$.

⁴ Различия между ‘тот’ и ‘все’, ‘все’ и ‘те’ статистически значимы, двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,05$.

бинарной оппозиции и, соответственно, выбор местоимения не может быть основанием для выделения некоторого отдельного синтаксического типа относительных предложений «с легкими вершинами» (light-headed), как предлагается, в частности, в работах Б. Цитко, см. [Citko 2004].

Литература

- Citko 2004 — B. Citko. On headed, headless, and light-headed relatives // *Natural Language and Linguistic Theory* 22, 1, 2004. P. 95–126.
- Gołąb, Friedman 1972 — Z. Gołąb, V. A. Friedman. The relative clause in Slavic // P. Peranteau, J. Levi, G. Phares (eds.). *The Chicago Which Hunt. Papers from the Relative Clause Festival*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1972. P. 30–46.
- Křížková 1970 — H. Křížková. Relativní věty v současných slovanských jazycích // *Slavia* 39, 1970. P. 10–40.

К. А. Шагал

Хельсинкский университет, Хельсинки

ОРИЕНТАЦИЯ ПРИЧАСТИЙ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Понятие ориентации применительно к причастиям было введено М. Хаспельматом [Haspelmath 1994: 153] и используется для описания отношений между причастием и модифицируемым им именем как участником ситуации, выраженной в относительном причастном обороте. Так, например, активные причастия ориентированы на субъект ситуации (*девочка, читающая книгу* = *девочка, которая читает книгу*), в то время как пассивные — на прямое дополнение (*книга, читаемая девочкой* = *книга, которую девочка читает*).

М. Хаспельмат [Haspelmath 1994] выделяет два основных типа причастной ориентации — внутреннюю (*inherent*) и контекстную (*contextual*). Приведенные выше примеры из русского языка представляют собой первый случай, поскольку каждая из причастных форм может быть ориентирована только на одного из участников ситуации (ср. **книга, читающая девочкой* или **девочка, читаемая книгу*). Контекстно ориентированные причастия, напротив, могут использоваться для релятивизации нескольких различных участников. К примеру, в большинстве языков Сибири, как правило, одна и та же причастная форма позволяет релятивизовать широкий спектр участников, вплоть до послеложной группы или обладателя, см. [Pakendorf 2012].

Среди причастий с внутренней ориентацией наиболее известны упомянутые выше активные и пассивные причастия, характерные для большинства европейских языков. Возможны, однако, и другие типы ориентации. Так, М. Хаспельмат [Haspelmath 1994] показывает, что во многих языках имеются результативные причастия, которые могут быть ориентированы как на подлежащее непереходного глагола, так и на прямое дополнение в переходной

конструкции, ср. англ. *a rotten apple* ‘сгнившее яблоко’ и *a murdered politician* ‘убитый политик’. Одно из возможных объяснений такого явления — семантическая ориентация на наиболее вовлеченного в ситуацию участника, вполне ожидаемая в результативном контексте. Впрочем, аналогичная ориентация оказывается возможной и для причастных форм, не имеющих результативного значения, см. примеры (1a) и (1b) из корякского языка:

КОРЯКСКИЙ [Kurebito 2011: 28–29]

- (1) а. *accaj-Ø* [jaja-k *ɲajqətva-jo-lqəl-Ø*]
 муравей-ABS.SG дом-LOC мыть-NMZ-NOMFUT-ABS.SG
paɕe ajm-e-Ø

сначала принести.воды-PFV-3SG.S

‘Муравей, который должен помыть в доме, ушел за водой’.

- б. *kalikal* [akmec-co-lqəl-Ø]
 книга.ABS.SG купить-NMZ-NOMFUT-ABS.SG
 ‘книга, которую кто-то собирается купить’

Такой тип причастной ориентации, который я предлагаю называть абсолютным, находится в соответствии с абсолютивной гипотезой Б. Фокс [Fox 1987], утверждающей, что именно подлежащее непереходного глагола и прямое дополнение являются позициями, которые лучше всего поддаются релятивизации в языках различного строя.

В докладе планируется подробнее рассмотреть особенности абсолютивных причастий, а также другие типы причастной ориентации, встречающиеся в языках мира (ориентация на агенса, ориентация на локативного участника, ориентация на любого участника, кроме подлежащего, и др.). Кроме того, я покажу, как тип ориентации причастия связан со степенью его номинализации и функциями, которые оно способно выполнять, помимо именной модификации.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; LOC — локатив; NMZ — номинализатор; NOMFUT — именное будущее время; PFV — перфектив; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

- Fox 1987 — B. A. Fox. The noun phrase accessibility hierarchy reinterpreted: Subject primacy or the absolutive hypothesis? // *Language* 63, 1987. P. 856–870.
- Haspelmath 1994 — M. Haspelmath. Passive participles across languages // B. Fox, P. J. Hopper (eds.). *Voice: Form and Function* [Typological Studies in Language 27]. Amsterdam: Benjamins, 1994. P. 151–177.
- Kurebito 2011 — M. Kurebito. How is *TARO=WA ASU KU-RU HAZU-DA* expressed in Koryak: Comparing Koryak agentive/patientive nominal with Japanese MMC // *富山大学人文学部紀要* 55, 2011. P. 19–36.
- Pakendorf 2012 — B. Pakendorf. Patterns of relativization in North Asia: Towards a refined typology of prenominal participial relative clauses // V. Gast, H. Diessel (eds.). *Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 253–283.

Т. А. Шалганова
НИУ ВШЭ, Москва

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ СЛОВА ‘ГОЛОВА’ В РЕФЛЕКСИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА¹

1. Вступление

Рефлексивные местоимения — это такие анафорически употребляющиеся местоимения, которые в большинстве случаев своего употребления требуют обязательного присутствия грамматически приоритетного антецедента, прототипически, в пределах той же синтаксической единицы (клаузы).

Одной из распространенных стратегий образования в языке рефлексивного местоимения является грамматикализация конструкций со словом ‘голова’. Целью данного исследования было обнаружить все возможные рефлексивные стратегии с использованием *pr'ε* ‘голова’ в цибавском диалекте мокшанского языка, а так же изучить их дистрибуцию и особенности.

Материал был собран в деревнях Лесное Цибаво и Лесное Ардашево в августе 2015 года.

2. Основная часть

В мокшанском языке существует две рефлексивные стратегии, содержащие *pr'ε*:

- (1) (*es'*) *pr'a-nc*²
свой голова-3SG.POSS.SG.GEN

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ 15-04-18038 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков» и РФФИ 13-06-00884 А «Исследование морфосинтаксических параметров межязыкового варьирования в уральских и алтайских языках».

² И другие падежные окончания в рамках посессивного склонения.

- (2) (*es'*) *pr'ε*
 свой голова

В рефлексивных конструкциях *pr'ε*, если оформляется, всегда маркируется посессивным склонением. Глагол согласуется с объектом (*pr'ε*) по 3 лицу вне зависимости от референта.

- (3) a. *vas'ε n'ej-εz'ə es'*
 Вася видеть-PST.3SG.S.3SG.O свой
pr'a-nc
 голова-3SG.POSS.SG.GEN
- b. **vas'ε n'ej-εz'ə es' pr'ε-t'*
 Вася видеть-PST.3SG.S.3SG.O свой голова-DEF.SG.GEN
 ‘Вася увидел себя’.

Если к *pr'ε* присоединяется показатель падежа, то рефлексив употребляется только с глаголом в субъектно-объектном спряжении, если показателя падежа нет — в субъектном.

- (4) a. *ivan n'ej-εz'ə*
 Иван видеть-PST.3SG.S.3SG.O
es' pr'a-nc / **es' pr'ε* / **pr'ε*
 свой голова-3SG.POSS.SG.GEN свой голова голова
vanəta-t' pačk
 зеркало-DEF.SG.GEN сквозь
- b. ^{OK}*ivan n'ej-s' pr'ε* / *es' pr'ε*
 Иван видеть-PST.3.SG голова свой голова
vanəta-t' pačk
 зеркало-DEF.SG.GEN сквозь
 ‘Иван увидел себя в зеркале’.

Это поведение естественно для аргументов переходных глаголов в мокшанском языке, однако конструкция с нулевым маркером (характерным для обычного склонения) употребляется в том случае, если у объекта нет конкретного референта. У рефлексивов такой референт всегда присутствует, тем не менее, конструкция (*es'*) *pr'ε* грамматична, и, хотя практически никогда не является первой реакцией, признается всеми информантами. Этот факт может

свидетельствовать о том, что *(es') pr'ε* более грамматикализовано, чем *(es') pr'a-nc*. На бóльшую степень грамматикализации указывает и тот факт, что не для всех информантов возможно прокси-прочтение в предложениях с *(es') pr'ε*, в то время как предложения с *(es') pr'anc* таких сомнений не вызывают (5). Исходя из этого теста, как предполагал [Reuland 2011], можно сказать, что конструкция с *pr'anc* занимает позицию глагольного аргумента, а *(es') pr'ε*, возможно, уже глагольным аргументом не является.

- (5) *pet'ε narda-z'ə es'*
 Петя вытереть-PST.3SG.S.3SG.O свой
pr'a-nc fotografija-t' lank-stə
 голова-3SG.POSS.SG.GEN фотография-DEF.SG.GEN на-EL
 'Петя вытер себя на фотографии'. (На фотографии много людей, Петя протер именно свое изображение)

Как более грамматикализованная конструкция, именно *(es') pr'ε* чаще всего используется при образовании медиальных значений у глаголов.

Наиболее характерной позицией для конструкций *(es') pr'ε / pr'anc* является позиция DO с простыми переходными глаголами при antecedente-подлежащем. В зависимых клаузах (когда antecedent — подлежащее контролирующей ИГ) встречаются только *(es') pr'ε / pr'anc*. Эти рефлексивы не могут быть частью финитной зависимой клаузы, однако использование *(es') pr'anc* в нефинитной зависимой клаузе допустимо. *(Es') pr'ε* не всегда допустимо в тех же конструкциях.

- (6) a. *vas'ε mεr'k-s' mašə-n'd'i n'εft'-əms*
 Вася сказать-PST.3SG Маша-DAT показывать-INF
es' pr'a-nc
 свой голова-3SG.POSS.SG.GEN
 'Вася_i велел Маше_j представить себя_{i/j}'.
- b. *vas'ε mεr'k-s' mašə-n'd'i n'εft'-əms*
 Вася сказать-PST.3SG Маша-DAT показывать-INF
es' pr'ε
 свой голова
 'Вася_j велел Маше_j представить себя_{j/*i}'.

- (7) *ivan ar's'-i što mašə*
 Иван думать-NPST.3SG что Маша
af kel'k-si
 не любить-NPST.3SG.S.3SG.O
*son' / *es' pra-nc*
 он.OBL свой голова-3SG.POSS.SG.GEN
 ‘Иван думает, что Маша ненавидит его’.

3. Выводы

В мокшанском языке в качестве двух различных рефлексивных стратегий закрепилось сразу две стадии грамматикализации одной и той же конструкции *es'* ‘свой’ + *pr'e* ‘голова’. У этих конструкций есть ряд общих позиций и правил употребления. При этом более грамматикализованная конструкция (*es'*) *pr'e* на данном этапе развития языка менее употребима, хотя охотнее используется информантами для образования не собственно рефлексивных, медиальных значений.

Список условных сокращений

DAT — датив; DEF — определенность; EL — элатив; GEN — генитив; INF — инфинитив; NPST — непрошедшее время; O — объект; OBL — косвенный падеж; POSS — посессивный показатель; PST — прошедшее время; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

- Тестелец, Толдова 1998 — Я. Г. Тестелец, С. Ю. Толдова. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания 4, 1998. С. 35–57.
 Reuland 2011 — E. J. Reuland. Anaphora and Language Design. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.

II. Лекции

L. Veselinova

Stockholm University, Stockholm

NEGATION IN NON-VERBAL AND EXISTENTIAL PREDICATIONS: a holistic typology

In this talk I focus on the negation strategies in several domains exemplified by sentences such as (i) *This is not Mary*; (ii) *Mary is not a nurse* (**non-verbal predications**); (iii) *Mary is not at home* (**non-location**); (iv) *There is no hope* (**non-existence**). The negation markers in these sentences are collectively called *special negators* (SpNeg) when they differ from standard negation (SN); cf. Miestamo [2005] for a definition of the latter. The main goal of this work is to consider SpNeg from a broad cross-linguistic perspective. So far SpNeg have been discussed only in descriptions of individual languages. Eriksen [2011] focuses on negation strategies in sentences with a nominal predicate. Veselinova [2013] presents a typology of negation in existential predications. Here I strive to present a general typology of SpNeg, outline their functions using semantic maps and discuss their origin. Ultimately, I seek to suggest an account for the observed language facts.

My data come from a genealogically and geographically stratified sample of 96 languages. Historical-comparative studies were conducted on several families mainly from Eurasia (Slavic, Uralic, Turkic, Dravidian) as well as on Berber and on Polynesian.

Some kind of SpNeg is observed in 71% of the sample. Some languages have more than one, cf. (1). We suggest three broad types of SpNeg, which can also be arranged on a frequency cline: *negative existentials* (60%), *attributive negators* (the use of this label follows [Mettouchi 2009], 27%) and *stative negators* (8%). Negative existentials, (1c), are used for non-existence, negation of predicative possession and frequently, though not always, for non-location; they also show a number of other semantic, morphosyntactic and diachronic cross-linguistic similarities. Attributive negators, (1b), are used in non-verbal predications; they are often negators with a narrow scope and

tend to evolve into constituent negators. Unlike negative existentials which are spread all over the world, attributive negators appear concentrated in several specific areas. Stative negators, (2), are used for both non-verbal and non-existential predications. They seem relatively rare and are also diachronically unstable. The latter is reflected by the fact that they tend to split into separate negators, one for non-existence, and another for the remaining non-verbal predications.

Generally, there appears to be a functional pressure for domain differentiation, negation of actions is commonly set apart from negation of existence, another common distinction is negation of identity and class inclusion.

Examples

EASTERN MARI (Glottocode: east2328)

- (1) a. *ok tol*
NEG.3SG come.CONN
'S/he does not come'. [Wagner-Nagy, Viola 2009: 135]
- b. *tudo yoča ogəl'*
3SG child NEG
'S/he is not a child'. [Riese et al. 2010: 91]
- c. *port uke*
house not.exist
'There is no house'. (Jeremy Bradley, p. c.)

PERSIAN (Glottocode: 2369)

- (2) a. *na-mi-xar-am*
NEG-DUR-buy-1SG
'I am not buying'. [Lazard 1992: 163]
- b. *hâzer nist-am*
ready not.be-1SG
'I am not ready'. [Lazard 1992: 164]
- c. *tu-ye hæyat doxtær nist*
in-EZ courtyard girl not.be
'There are no girls in the courtyard'. (Don Stilo, p. c.)

Abbreviations

CONN — connegative; DUR — durative; EZ — ezafet; NEG — negative/negation; SG — singular.

References

- Eriksen 2011 — P. K. Eriksen. ‘To Not Be’ or not ‘to not be’: The typology of negation of non-verbal predicates // *Studies in Language* 35, 2011. P. 275–310.
- Lazard 1992 — G. Lazard. *A Grammar of Contemporary Persian*. Costa Meca, California: Mazda Publishers in association with Bibliotheca Persica, 1992.
- Mettouchi 2009 — A. Mettouchi. The System of negation in Berber // N. Cyffer, E. Ebermann, G. Ziegelmeyer (eds.). *Negation Patterns in West African Languages and Beyond*. Amsterdam — New York: John Benjamins, 2009. P. 287–306.
- Miestamo 2005 — M. Miestamo. *Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Riese et al. 2010 — T. Riese, J. Bradley, E. Yakimova, G. Krylova. *Оңай мари́й йылме: A Comprehensive Introduction to the Mari Language*. Vienna: Department of Finno-Ugric Studies, University of Vienna, 2010.
- Veselinova 2013 — L. Veselinova. Negative existentials: a cross-linguistic study // *Italian Journal of Linguistics* 25 [Special Issue on Existential Constructions], 2013. P. 107–146.
- Wagner-Nagy, Viola 2009 — B. Wagner-Nagy, M. S. Viola. Typology of affirmative and negative non-verbal predicates in the Ugric and Samoyedic languages // *Finnisch-ugrische Forschungen* 60, 2009. P. 117–159.

V. Vydrin

INALCO — LLACAN, CNRS-UMR-8135 — IUF, Paris

DEVELOPMENT OF A CASE SYSTEM IN A PERIPHERAL MANDE LANGUAGE¹

In Niger-Congo languages, morphological cases are very scarce. This is especially true for nouns (while personal pronouns may have different forms in different syntactic positions more frequently). Mandé languages are usually regarded as the poorest in morphology in the Niger-Congo macrofamily, therefore one could hardly expect to find a noun declination in this family. And still, it has emerged in at least one language of the Southern Mandé group, namely, Dan-Gwɛɛtaa.

In this language, a system of six morphological cases has appeared. However, this system has numerous restraints:

— it concerns only a minor subclass of nouns, so-called “locative nouns”, counting about 50 lexemes (less than 3% of the entire number of nouns in the dictionary; this figure would be much higher if toponyms are taken into account);

— there is not a single lexeme among the “locative nouns” that would have a full paradigm of cases. The great majority of them have only two case forms (most often, the common case and the locative case), more rarely three, and only six lexemes have four case forms;

— the cases in Dan-Gwɛɛtaa do not distinguish the nuclear syntactic positions, they rather mark peripheral (oblique) positions in their opposition to the nuclear ones (and to each other).

Case forms of “locative nouns” came to existence through merger of noun roots with postpositions, with the exception of the locative case which is formed by the adverbial suffix *-dɔ̃*. In certain contexts, forms of oblique cases can be decomposed into their original components (the noun root and the postposition).

¹ This work is related to the research strand 6 “Language resources” of the Labex EFL (financed by the AVR/CGI).

Although rather few in the dictionary, locative nouns are quite frequent in texts. In fact, fusion with postpositions (resulting in emergence of locative nouns) concerns primarily the most frequent words in most typical contexts, and the same elements may fail to merge when used in a less typical meaning.

There is a kind of case agreement that manifests itself on the possessive marker (which can also be interpreted as a postposition in a possessive nominal construction). When such a possessive construction appears in the nuclear argument (subject or direct object) position, a default possessive marker *bà* is used, and when it assumes the oblique position (mainly with the locative semantics), the marker *gɔ̃* is used instead. However, the possessive marker *gɔ̃* may also appear in possessive constructions in the oblique position, even if no locative noun is involved; therefore, *gɔ̃* can be regarded as an autonomous marker accumulating two grammatical meanings (possessive and the indication of the oblique syntactic function of the NP), rather than as a case agreement marker.

Oblique cases forms can be reduplicated. Such a reduplication expresses intensity or a long duration of the situation described by the predicate. Reduplication of the same type may also concern certain more or less lexicalized oblique expressions (morphologically non-merged) composed of nouns and postpositions; this fact can be interpreted as a first step to the fusion and formation of new morphological cases.

Merger of nouns with postpositions is attested in other South Mande languages as well: in other Dan varieties, Tura, Goo, Guro, Mwan, Mano. However, only in Dan-Gwɛetaa it has brought forth the emergence of a noun declination system, although highly irregular and lacking congruity.

СОДЕРЖАНИЕ

І. Доклады

<i>П. М. Аркадьев (Москва)</i> Объектный генитив отрицания в ареально-типологической перспективе.....	5
<i>А. А. Бобренкова (Москва)</i> Способы выражения первичных и вторичных именных предикатов в мокшанском языке.....	9
<i>Д. В. Герасимов (Санкт-Петербург)</i> Грамматические категории сферы побуждения во взаимодействии с отрицанием в парагвайском гуарани.....	14
<i>И. М. Горбунова (Москва)</i> Есть ли необходимость? Система модальности в трех вариантах атаяльского языка.....	19
<i>В. В. Дьячков, Д. Д. Мордашова (Москва)</i> Конкуренция показателей деадъективной деривации в языках догон: семантические основания и диахрония.....	22
<i>И. В. Егоров (Москва)</i> О модальных показателях <i>-a</i> и <i>-ka</i> в мокшанском языке.....	25
<i>В. Р. Жигульская (Будапешт)</i> Типология личных локативов.....	29
<i>А. Н. Закирова (Москва)</i> Форма на <i>-та-</i> в мокшанском языке.....	32
<i>J. Ye (Leipzig/Shanghai)</i> Adnominal possessive construction in Mainland Southeast Asia.....	35
<i>И. А. Кагиров (Санкт-Петербург)</i> Глагольные и псевдоглагольные предикации в среднегипетском языке.....	37

<i>Е. В. Кашкин, Д. О. Жорник, А. Н. Закирова, А. Д. Кожемякина, П. С. Плешак (Москва)</i> К лексической типологии глаголов падения: данные уральских языков.....	41
<i>А. А. Козлов (Москва)</i> Конструкция <i>чуть (было) не</i> как отрицательная и не только.....	45
<i>Л. С. Козлов (Москва)</i> Конкуренция направительных падежей в мокшанском языке.....	49
<i>Е. В. Коровина (Москва)</i> К вопросу о порядке следования аффиксов числа и падежа.....	54
<i>И. В. Макарчук (Москва)</i> К типологии семельфактива: мокшанская деривация на <i>-kst-</i>	57
<i>A. Montébran (Paris)</i> Negation structures in the context of TAM in West-Atlantic languages.....	60
<i>Н. А. Муравьев (Москва)</i> Прагматическая релевантность или обратный контроль: к проблеме согласования простого конверба в южноахвахском языке.....	62
<i>Е. С. Новикова (Москва)</i> Кондиционал в мокша-мордовском языке: о необычном употреблении условного наклонения.....	65
<i>А. Ч. Пиперски (Москва)</i> Грамматические профили и формальная дифференциация русских двувидовых глаголов.....	69
<i>П. С. Плешак (Москва)</i> О статусе посессора в мокшанской именной группе.....	73
<i>М. Ю. Привизенцева (Москва)</i> Двойное падежное маркирование в мокшанском языке.....	77

Содержание

<i>Е. А. Ренковская, А. С. Крылова (Москва)</i> Прохибитивные конструкции в языке куллиу	81
<i>М. А. Сидорова (Москва)</i> Число в мокшанских количественных конструкциях	84
<i>А. С. Сметина (Москва)</i> Употребление глагольных форм в роли предиката независимого предложения в нанайском языке: глагол и причастие	89
<i>Н. М. Стойнова (Москва)</i> Показатели «движения с целью»: суффикс <i>-nda/-ndə</i> в нанайском языке	93
<i>Н. М. Стойнова, С. А. Оскольская (Москва, Санкт-Петербург)</i> Эволюция показателя экзистенциального отрицания в нанайском языке	97
<i>Д. Б. Тискин (Санкт-Петербург)</i> <i>Каждый</i> может и не быть ленивым	100
<i>М. Н. Усачева (Москва)</i> (Не)отчуждаемость в бесермянском удмуртском как лексическая категория	103
<i>М. Л. Федотов (Санкт-Петербург)</i> <i>To be continued...</i> : приключения континуативного показателя в языке гбан	106
<i>М. А. Холодилова (Санкт-Петербург)</i> Конкуренция местоимений 'кто' и 'который' в славянских языках	110
<i>К. А. Шагал (Хельсинки)</i> Ориентация причастий в типологической перспективе	114
<i>Т. А. Шалганова (Москва)</i> Грамматикализация слова 'голова' в рефлексивных стратегиях мокшанского языка	117

II. Лекции

L. Veselinova (Stockholm)

Negation in non-verbal and existential

predications: a holistic typology 123

V. Vydrin (Paris)

Derivation of a case system in a peripheral Mande language 126

Научное издание

ДВЕНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ТИПОЛОГИИ И ГРАММАТИКЕ
ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Тезисы докладов

Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2015 г.

Оригинал-макет М. А. Холодиловой

Подписано в печать 15.10.2015. Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 8,25

Тираж 150 экз. Заказ № 298

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23